

Император Единства

Автор:

Владимир Марков-Бабкин

Император Единства

Владимир Марков-Бабкин

Мир Нового МихаилаНовый Михаил #7Попаданец (АСТ)

Бывший военный летчик и глава крупного медиахолдинга из 2015 года переносится в тело брата Николая Второго – великого князя Михаила Александровича в самый разгар Февральской революции. Спасая свою жизнь, вынужден принять корону Российской империи. И тут началось... Мятежи, заговоры, покушения. Интриги, подставы, закулисы мира. Большая Игра и Игроки. Многоуровневые события, каждый слой которых открывает читателю новые, подчас неожиданные подробности событий, часто скрытые от глаз простого обывателя. Итак, «на дворе» конец 1917 года. Революции не случилось. Османская империя разгромлена, Пропливы взяты, «возрождена историческая Ромея» со столицей в Константинополе, и наш попаданец стал императором Имперского Единства России и Ромеи, стал мужем итальянской принцессы Иоланды Савойской. Первая мировая война идет к своему финалу, однако финал этот совсем иной, чем в реальной истории. И военная катастрофа при Моонзунде вовсе не означает, что Германия войну проиграла. Всё только начинается...

Владимир Марков-Бабкин

Император Единства

Посвящается моей семье

Спасибо Виталию Сергееву за помощь

Цикл Владимира Маркова-Бабкина

НОВЫЙ МИХАИЛ

1917: Да здравствует император!

1917: Трон Империи

1917: Государь революции

Император мира

1917: Вперед, Империя!

Император двух Империй

Император Единства

© Владимир Марков-Бабкин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Три короны и терновый венец

Глава I

Во имя земли, спасения и веры

Москва. Кремль. Дом империи. 26 августа (8 сентября) 1917 года

Хорошо в году эдак 2020-м. Ни тебе пандемии, ни ее угрозы. Медицина на уровне, наука достигла небывалых высот, а народ образован и сознателен. Никаких тебе потрясений, а обыватель лишь со смехом вспоминает о том, как он обделался легким испугом от свиного гриппа. Увы, мне в 1917 году такое может только сниться.

11 марта 1918 года в военный госпиталь в Форт-Райли (штат Канзас, США) придет повар Альберт Гитчелл и будет жаловаться на лихорадку и боль в горле. К вечеру сляжет еще сотня его сослуживцев. Так начнется пандемия «испанки», которую правильнее было бы именовать «американкой».

Цифры погибших от испанского гриппа разнятся. До ста миллионов человек умрут на планете по самым пессимистическим оценкам. Или в разы меньше. Но все равно десятки миллионов. Десятки миллионов.

Намного, намного больше, чем погибло и погибнет на полях сражений Великой войны.

А заболеет треть населения Земли.

Что я должен делать с этим знанием и с этими цифрами? Приказать ликвидировать «нулевого пациента» повара Альберта Гитчелла? А кто сказал, что он и в самом деле нулевой пациент? Может, у него просто организм оказался самым слабым? Нет, я могу, конечно, перестраховаться и грохнуть этого самого Гитчелла, но как перебить или изолировать в США несколько сотен американских солдат? Да и вряд ли это что-то даст. Как-то мало верю я в истории о бешеных летучих мышах или кусающихся озверелых мартышках, которые укусили за условную задницу именно этого Гитчелла. Да и не знаю я имен этой «сотни сослуживцев», заболевших с ним в один день.

Точно так же никто не может гарантировать, что пандемия вообще началась именно с бедняги Гитчелла, а не где-то в другом месте. Возможно, вирус завезли

из Китая или еще откуда-то прибывшие в Америку эмигранты, возможно, это какая-то мутация, возможно... Все возможно.

Ясно одно – Россию и весь мир ждут пандемия испанки, всяческие неурожаи, перенаселение, голод, социальные потрясения и прочие беды, предотвратить многие из которых я не смогу, невзирая на все мои попаданческие послезнания, которые становятся все менее актуальными с каждым моим действием в этом времени. Остается лишь с полным надрывом работать местным царем-батюшкой, проводя революцию сверху и готовя страну к грядущим вызовам.

Стелить ту самую легендарную «соломку» в местах, где я могу предполагать грядущие «падения».

А времени у меня крайне мало.

В Овальном зале второй час шло совещание, несколько раз прерываемое пятиминутными «перекурами» в моменты, когда Маша вынужденно покидала нас. Токсикоз – штука неприятная во всех отношениях, а сильный токсикоз особенно. Особенно когда ты царица и прочих земель императрица и у тебя полно всяческих государственных обязанностей помимо обнимашек с уже ненавистным тазиком. Хорошо хоть в Доме империи есть все мыслимые удобства в плане сантехники, а из моего официального кабинета до нашей личной квартиры всего несколько десятков шагов.

Ну что тут скажешь. Таковы прелести будущего материнства. Тут уж как повезет с токсикозом. Нам вот пока не повезло. Впереди еще восемь месяцев беременности, и тут ничего не попишешь – будет всякое, и хорошее, и трудное.

Разумеется, я предоставил Маше наилучшие условия и уход, какие только возможны и могут быть в этом времени. Так что теперь нас во всех поездках и во всех местах обитания сопровождает еще и личный лейб-акушер госпожа Улезко-Строганова со своей медицинской бандой.

Одетый по случаю в дворцовую ливрею, камердинер Евстафий тихо доложил мне на ухо:

– Государь, ее величество.

Киваю и оборачиваюсь к входящей Маше. Ее безупречный серый мундир генерал-майора императорских сил спасения лишь подчеркивал необычайную бледность ее смуглой кожи.

– Ты как?

Она вымученно улыбнулась.

– Надеюсь, что сегодня к трону никому не придется спешить с ведром или тазиком. С короной на голове мне будет очень непросто наклоняться...

В ответ на незатейливую шутку сжимаю ободряюще руку бывшей итальянской принцессы Иоланды Савойской.

Да, у нас сегодня в программе мероприятий еще и моя тронная речь в Андреевском зале. И по протоколу Маша должна будет принять участие в церемонии. Хорошо хоть на Большой императорский выход я ей идти не разрешил, и мы ограничились кратким присутствием ее величества в Успенском соборе во время воскресного богослужения. Я бы сегодня и туда ее не пустил, но подданные буквально жаждали увидеть «благословенную Марию Псковскую», и она не могла не прийти под взоры прессы и кинохроники. The Show Must Go On. Законы шоу-бизнеса никто не отменял даже в 1917 году. Министр информации новоявленный граф Суворин подтвердит.

– Евстафий, голубчик, скомандуй-ка построение.

Мой начальник личной тайной разведки усмехается краешком глаз, чинно кивает и, выйдя в приемную, провозглашает официальным тоном:

– Господа! Государь высочайше повелел продолжать!

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

26 августа (8 сентября) 1917 года

Сегодня на Красной площади в Москве состоялась торжественная церемония принятия российского подданства. Первая тысяча переселенцев из Франции принесла присягу верности ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Среди переселенцев ученые, врачи, инженеры, техники, агрономы, высококвалифицированные специалисты в различных сферах науки, медицины, промышленности, транспорта и сельского хозяйства, которые покинули измученную потрясениями союзную Францию.

Принявший в числе прочих русское подданство известный промышленник Луи Рено от лица всех переселенцев поблагодарил Е. И. В. МИХАИЛА ВТОРОГО за возможность начать новую жизнь и заверил, что все прибывшие приложат все свои силы во славу России.

«Честь в Служении на благо Отчизны!» – этими словами закончил господин Рено свое выступление.

Москва. Кремль. Дом империи. 26 августа (8 сентября) 1917 года

В зал из курилки вновь вернулись участники совещания, и когда все расселись, я кивнул генералу принцу Ольденбургскому:

– Вам вновь слово, Александр Петрович.

– Благодарю, ваше величество.

Министр спасения продолжил прерванный выходом Маши доклад:

– Ваши величества, господа. Подводя итог сказанному ранее, хотел бы отметить, что происшествие на артиллерийских складах в Пскове позволило нам еще раз отработать на практике протокол взаимодействия служб в условиях чрезвычайной ситуации. Происшествие потребовало осуществить массовую эвакуацию гражданского населения, военных эшелонов с узловой станции, осуществить развертывание лагерей спасения, их снабжение всем необходимым, а также организованную передислокацию на более удаленные от

эпицентра взрывов места. Кроме того, немалый опыт дала практика развертывания лагерей спасения в районах, прилегающих к Константинополю и Проливам. Причем в этом случае нами успешно были созданы отдельные лагеря для христиан, мусульман и иудеев, а также были осуществлены мероприятия по фильтрации поступающего контингента...

Новояз все глубже проникал в это время. Я перестал обращать внимание на свои языковые обороты, а граф Суворин продвигал это в качестве «новояза» – языка перемен, языка освобождения и служения. Впрочем, я и сам был за это. России предстояла глобальная коренная модернизация, и патриархальный язык с еще более патриархальной грамматикой лишь мешали прогрессу.

– Принц, вопрос карантина в Ромее в данный момент является самым важным. Мы не можем допустить проникновение носителей инфекции в Константинополь и в зоны, предназначенные для русских поселенцев. Это произведет не только тягостное впечатление, но и в значительной степени может повлиять на всю намеченную программу переселения. Я думаю, что нет надобности упоминать о том, что эпидемия во время визита в город гостей нашей коронации категорически недопустима. Какие меры принимаются?

Принц Ольденбургский кивнул.

– Государь! Все бывшие жители Восточной Фракии и города Константинополя размещены ныне в специальных фильтрационных лагерях, где с ними не только работают сотрудники Имперской СБ, военных разведки и контрразведки, но и специалисты Минспаса. Фактически вся система лагерей в эпидемиологическом плане предназначена для карантина и выявления зараженных какими-либо заразными болезнями. В любом случае до коронации ваших величеств никто из содержащихся в этих лагерях не будет отпущен, а к тому времени, насколько я могу судить, в Ромею прибудет несколько партий наших переселенцев, среди которых, кстати, в Крыму и Малороссии точно так же проводятся мероприятия по выявлению больных инфекционными заболеваниями.

– И много выявили?

– Достаточно, государь. Туберкулез и прочий букет, который можно встретить в любом российском городе или в нашей глубинке, имеет место быть. Особо тяжелые случаи мы стараемся отделить от основной массы переселенцев, но

дело осложняется тем, что пока переселяются в основном члены семей отличившихся героев войны, пожелавших после демобилизации осесть в Ромее, и разделение членов семьи может вызвать серьезное напряжение в армии.

– И тем не менее мы не должны пускать на самотек этот момент. Люди переселяются из разных регионов, могут завезти туда черт знает что. Федор Федорович, скооперируйтесь с Борисом Алексеевичем, нам нужно провести мощную разъяснительную кампанию, как среди переселенцев, так и среди солдат в армии. Министерству обороны и информации следует четко показать всю опасность эпидемий и необходимость карантинных мер. Если мы сейчас не справимся с этим, то что тогда говорить о ситуации, когда вдруг вспыхнет пандемия. А она обязательно вспыхнет, попомните мое слово. Окопы – отличный рассадник заразы. И не только политической.

Палицын и Суворин, сев на место, сделали пометки в своих записях. Резюмирую:

– Что ж, Александр Петрович, пожар на артиллерийских складах дал нам ценный опыт, и цена, уплаченная за него, не так велика, как могла бы быть. Около ста тысяч артиллерийских снарядов уничтожено, три сотни сгоревших и разрушенных домов в Пскове и окрестностях, восемнадцать погибших и шестьдесят пять человек раненых – все это цифры прискорбные, но отнюдь не такие, какими они могли бы быть, если бы не грамотные, своевременные и решительные действия Штаба по преодолению последствий катастрофы. Особый протокол «Казань» доказал свою состоятельность и эффективность и, с учетом изменений и дополнений на основании полученного практического опыта, может быть использован в качестве образца для составления «особых протоколов» для региональных подразделений ИСС, не так ли, Николай Николаевич?

Командующий ИСС генерал Духонин поднялся и доложил:

– Так точно, ваше императорское величество! В настоящее время нами, совместно с Главным медицинским управлением Минспаса, Императорской Главной квартирой, Минобороны, Мининформом и Росрезервом, готовится окончательная редакция региональных «особых протоколов» на случай чрезвычайных событий.

Генерал докладывал довольно бойко и уверенно, информируя меня о проводимых мероприятиях, о формировании отдельных батальонов Императорской Службы спасения в каждой из губерний, областей и в каждом из регионов России и РOMEи, о развертывании в Москве, Петрограде и Константинополе отдельных полков ИСС, о том, что все служащие службы проходят курсы первичной помощи и получают на учениях навыки спасательных работ, в том числе и в условиях экстренных ситуаций и объявленного чрезвычайного положения. О взаимодействии с армией, Инженерно-строительным корпусом, Имперской стражей, Росрезервом, спецслужбами и МВД.

Фактически в рамках Министерства спасения я соединил в одной упряжке Минздрав, военную медицину, лечебные, санитарные и эвакуационные учреждения, усилив все это Императорской Службой спасения – военизированной организацией с чрезвычайными полномочиями, неким аналогом привычного мне МЧС, но куда более милитаризованным. Все это действовало в тесной связке с неправительственными организациями, в том числе с Корпусом служения, Фронтовым братством и Российским обществом Красного Креста.

И Духонин пер вперед, с уверенностью танка.

Что ж, посмотрим. Впрочем, его уверенность я вполне мог объяснить. Иметь в качестве августейшего шефа ИСС саму императрицу Марию Викторовну – это дорогого стоит. Маша и ее имя открывали Духонину все двери, а любая проволочка могла повлечь весьма серьезные последствия, ибо многие успели убедиться на собственной шкуре в остроте милых коготков императрицы.

Кое-кто уже отправился под трибунал за саботаж в условиях войны.

Не дрогнувшей рукой я утвердил все приговоры.

В конце концов, я же не Николай Кровавый.

Не икается ли ему сейчас в Ялте?

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

26 августа (8 сентября) 1917 года

Сегодня ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ Высочайше повелел образовать Особую комиссию по организации подъема германских кораблей и судов, потопленных в результате действий российских флота, армии и авиации на различных театрах военных действий. Руководителем Особой комиссии ГОСУДАРЬ повелел назначить генерала по флоту Алексея Крылова.

Напомним читателям, что под руководством генерала Крылова в Севастополе успешно завершен подъем линкора «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ», затонувшего вследствие германской диверсии. Возвращение в строй главного корабля серии намечено на 1918 год. После вступления корабля в строй он станет четвертым самым современным линейным кораблем, входящим в состав сил Средиземноморской эскадры Южного флота России, наряду с однотипными линкорами «Император Александр III», «Императрица Екатерина Великая» и «Император Николай I», который нынче проходит ходовые испытания на Черном море.

В интервью РОСТА генерал Крылов сообщил, что исследования в районе Моонзундских островов начнутся сразу после освобождения от оккупации занятой германскими войсками Курляндии. Операцию по подъему со дна десяти немецких линкоров, а также прочих боевых кораблей и судов намечено провести в 1918-1919 годах.

В то же время в районе Константинополя в настоящее время уже начаты работы по исследованию затонувших немецких кораблей «Гебен», «Бреслау», «Курфюрст Фридрих Вильгельм», «Вейссенбург», переданных ранее Османской империи, а также османского крейсера «Хамидие», с целью изучения возможности подъема данных кораблей и дальнейшего применения их самих, их узлов и вооружения для усиления обороны Босфора и Дарданелл, черноморского побережья России и Ромеи, а также средиземноморского побережья Ромеи.

Напомним нашим читателям, что Е. И. В. МИХАИЛ ВТОРОЙ, воздавая должное мужеству немецких моряков линейного крейсера «Гебен», Высочайше повелел при подъеме крейсера перезахоронить погибших со всеми воинскими почестями.

Москва. Кремль. Дом империи. 26 августа (8 сентября) 1917 года

– Приветствую вас, владыка Антоний.

– Желаю здравствовать вашему императорскому величеству. Благодарю ваше величество за дарование высочайшей аудиенции.

Изучающе смотрю на почтенного старца. Ох непрост батюшка, непрост! Но что я знаю о нем? Из моего будущего крайне мало, как-то не очень меня интересовала его фигура. Помню только, что возглавлял он после революции Русскую православную церковь за рубежом, был ярым противником большевизма, закоренелым монархистом и человеком, убежденным в том, что «царь – это догмат веры». Хотя тараканов у него в голове тоже было предостаточно. Ну, как говорится, кто без тараканов, тот пусть первым бросит в себя камень. Точно в цель будет бросок.

Что касается «царя – догмата веры», то меня этот тезис вполне устраивал.

Да и выбор был не очень велик, всего-то три проголосованные Собором кандидатуры – архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Арсений (Стадницкий) и архиепископ Тихон (Белавин), который в известной мне истории и стал в итоге патриархом РПЦ. Впрочем, тогда решил слепой жребий, выбрав из тех же кандидатур Тихона. В этой реальности жребий – это ваш покорный слуга. И я вовсе не слепой. И потому говорил со всеми кандидатами, которые были пробаллотированы Поместным собором и представлены на высочайшее одобрение.

Нет, я мог бы, в теории, вообще обойтись без патриарха в РПЦ. Двести лет как-то жили, и, через обер-прокурора Святейшего Синода, царь как-то управлялся со всей этой религиозной конторой. Но тогда перед самодержцами стояли иные задачи и масштаб их деяний был куда меньше. Скажу об этом без лишней скромности и прочей скоромности, в таких делах неpotребной.

Когда в твоей империи вдруг оказывается множество православных церквей и патриархий, то тут уж возникает совсем иной резон в принятии решений, чем обыкновенное самодержавное «Церковь – это я» (прости Господи!). Уже сейчас мой вес и мое влияние на православие во всем мире несоизмеримо выше, чем

были у того же Николая Второго. И я не могу допустить, чтобы основная церковь православной империи была статусом ниже, чем церкви пришлое. Кроме того, моя расчудесная голова, да и голова «благословенной Марии Псковской» не может быть венчана короной Единства из рук не пойми кого, какого-то там местоблюстителя. Гордыня, скажете вы? Политика! Откровенно говоря, я, скорее, сторонник возложить сам корону на свою голову, но это будет стратегически не совсем верно и точно станет явной бессмысленной гордыней. А это грех смертный, на секундочку.

В общем и целом я склонялся к выбору Антония, как самого умного из всей троицы. Возможно (и наверняка), я пойму с ним проблем, но, во-первых, он, как я уже говорил, придерживался принципа, что «царь – догмат веры», в отличие от двух других кандидатов, которые в моей истории радовались свержению монархии, а во-вторых, умный человек скорее поймет жизненные реалии, тем более реченные из уст «догмата веры» – царя.

Но я должен был расставить все точки над буквой «i», которую я все еще пока не отменил.

– Итак, ваше высокопреосвященство, вопрос восстановления патриаршества на Руси представляется мне весьма актуальным. Однако за все время работы Предсоборного собрания, равно как и самого Поместного собора, так и не была выработана единая позиция Церкви по данному вопросу. Мнения, как вам известно, разделились почти поровну, и лишь давление со стороны оберпрокурора Святейшего Синода господина Самарина заставило собравшихся принять хоть какое-то решение и пробаллотировать кандидатуры, которые вынесены на мое высочайшее одобрение. Что ж, у меня есть три кандидатуры, и я даю аудиенцию каждому.

Я помолчал несколько секунд, а затем неожиданно спросил:

– Как вы относитесь к псковскому чуду?

Антоний осторожно ответил:

– Пути Господни неисповедимы, ваше величество. Сообщения о чудесах часто приходят из христианских земель, и каждое из них должно быть тщательнейшим образом проверено Церковью. Но нет сомнения в том, что

русская августейшая семья находится под благословением Господним и Пресвятой Богородицы. А явления в окрестностях Пскова, столь положительно повлиявшие на исход сего прискорбного происшествия, и в самом деле могут свидетельствовать в пользу данного мнения. В любом случае Церковь обязана придерживаться принципа, что всякая власть от Бога. Тем более власть вашего величества.

Вот же жучара! И да, и нет. И вашим, и нашим. Но пальцы в дверях весьма помогают определиться. Особенно если это пальцы нашего уважаемого собеседника.

– И все же?

– Свидетельств о сем чуде очень много, государь, а молва о благословенной Марии Псковской ширится по всей Руси. Так что Церковь, так или иначе, должна будет с особым тщанием рассмотреть этот случай. И что-то мне подсказывает, что вопрос не слишком затянется.

Киваю.

– Это не может не радовать, владыка. Церковь, основанная на традиции, не может не учитывать и новые проявления Божественного Промысла. Однако у меня есть и другие заботы, среди которых дела духовные и мирские, которые я желаю с вами обсудить, и нахождение взаимопонимания по этим вопросам между Церковью и верховной властью станет определяющим при принятии мной решения о выборе патриарха.

– Я весь внимание, ваше императорское величество.

– Хорошо, если так. Владыка, я намерен поэтапно расширять автономию и самоуправление РПЦ, и учреждение патриаршества на Руси является одним из первых этапов в этом деле. В Русской православной церкви назрела необходимость обновления и переосмысления роли и места Церкви в жизни общества. Две сотни лет РПЦ существовала в качестве государственного института, однако новые реалии, в том числе расширение империи на новые канонические территории и более терпимая политика государства в отношении религии, должны подвигнуть РПЦ на большую активность в деле окормления своей паствы. Как вы знаете, после освобождения от османского ига Царьграда

и Проливов, после взятия Александретты и Антиохии, после того, как русско-итальянские войска войдут в Иерусалим, под моей царственной рукой окажется сразу несколько патриархий, включая вселенского патриарха. Выступая защитником мирового православия, я не могу не озаботиться сосуществованием стольких патриархий в рамках одной империи Единства. Программа массового переселения населения из России в Ромею и наоборот неизбежно приведет к размыванию принципа каноничности территорий каждой из православных церквей. Вряд ли наши переселенцы в Константинополе будут посещать церковные службы, которые ведутся на греческом языке, не так ли?

Антоний кивнул.

– Истинно так, ваше величество.

– Из чего напрашивается вывод о необходимости межцерковного диалога и проведения в ближайшем будущем нового Вселенского собора или другого рода встречи, на которой должны быть выработаны новые принципы пастырского служения. Отдельно хотел бы заметить, что хотя вы, владыка, безусловно, правы в деле отстаивания православия, но публичные заявления против католиков вообще и Ватикана в частности не добавляют мира на нашей территории и не облегчают межгосударственные отношения. А я позволю себе заметить, что Италия наш ближайший союзник сейчас. Тем более что фактически Иерусалим будут контролировать итальянцы при значительной поддержке русских войск.

Антоний промолчал, но мне и не требовалось его поддакивание. Если он меня не услышит, то у меня есть достаточно средств для вразумления.

– И еще. Как вы знаете, в России создано Министерство спасения, а при нем Императорские Силы спасения, под августейшим шефством императрицы Марии.

Мой собеседник чинно склонил голову.

– Да, ваше величество, мне это известно.

– Вам так же наверняка должно быть известно, сколько людей умирает в России от всякого рода инфекционных заболеваний. Цифры эти ужасают. И мы не можем кивать в данном случае на Божественный Промысел, поскольку лишь тьма невежества не позволяет людям понять Его. Тысячи и даже миллионы

случаев заболеваний по всей России. И многие из них передаются через уста и поцелуи. В том числе, надо это признать откровенно, и через поцелуи крестов, икон и принятие в уста святого причастия из общей ложки. Никким образом не подвергая сомнению Святые Таинства, Церковь тем не менее должна внести и свою лепту в оздоровление своей паствы. Оздоровление духовное и физическое. Хватит слепо и невежественно разносить инфекцию, прикрываясь древними правилами. Посему я жду от Церкви принятия указующих поправок о совершении богослужений и Таинств. Крест и иконы следует почитать, не касаясь их грязными губами. Преподавать Святые Христовы Тайны с обтиранием после каждого причастника лжицы пропитанным спиртом платом. Преподавать «запивку» только отдельно каждому – в личную чашу. Для раздачи антидора использовать щипцы, каждый раз окунаемые в спиртовой раствор. Причастникам воздерживаться от лобзания Чаши. Священникам воздерживаться от преподания руки для целования. Это лишь некоторые необходимые меры, которые Церковь должна внедрить в самое ближайшее время. В случае объявления «Манифеста о пандемии» меры будут дополнены и ужесточены, а Церковь будет встроена в государственный механизм борьбы с пандемией. И я намерен это осуществить с патриархом или без оногo. Вы понимаете меня, владыка?

Москва. Большой Кремлевский императорский дворец. 26 августа (8 сентября) 1917 года

– Дамы и господа! Члены Поместного собора, делегаты Съезда аграриев, герои войны, боевые товарищи, уважаемые приглашенные на Большой императорский выход, дорогие гости, представители российской и мировой прессы!

Я лишь краем уха слушал доносившийся из-за дверей Андреевского зала голос графа Бенкендорфа, сосредоточив все свое внимание на докладе генерала графа Кутепова.

– Государь! Только что пришло сообщение от барона Врангеля. Авангард русско-итальянского экспедиционного корпуса достиг окраин Иерусалима. Отряды сил специальных операций графа Слащева обеспечили блокирование взлета аэропланов на обоих аэродромах противника. Наши самолеты контролируют воздушное пространство над Иудеей. Передовые эскадроны чеченского полка Дикой дивизии подходят к означенным аэродромам.

– Что германцы?

– По имеющейся информации, с британского фронта к Иерусалиму спешно выдвинулась конная дивизия противника. Конно-пулеметный полк Каппеля движется на перехват.

– Что по Балтике?

– Подготовка к десанту идет по графику.

– Хорошо. Держите меня в курсе.

– Будет исполнено, государь.

Кутепов склонил голову и отправился доводить мои ценнейшие указания до своих подчиненных из Императорского Ситуационного центра.

– Его императорское величество государь император Всероссийский Михаил Александрович! Ее императорское величество государыня императрица Всероссийская Мария Викторовна!

Звучат фанфары, распахиваются створки дверей Андреевского зала.

Тяжелая корона давит мне на мозг, а мантия на плечи. Шепчу самоуспокоительное: «Господи, спаси, сохрани и помилуй нас грешных, прости нам прегрешения наши, вольные и невольные...»

Полгода я в этом времени, полгода я в этом мире. Море, который стал мне родным во всех смыслах и привычки которого я перенял. Но ведь шутка ли, сколько всего всякого произошло, и сколь многое изменилось здесь за это время...

Ободряюще сжимаю руку жены, и Маша, сохраняя официальное величие на лице, входит вместе со мной в тронный зал Кремля, лишь невесомо опираясь на мою руку. Знал бы кто, как ей тяжело это все изображать и какими переживаниями занята сейчас ее голова.

Под сводами Андреевского зала величественно звучит хор, исполняя «Жизнь за царя» Михаила Глинки:

Славься, славься, наш русский царь!

Господом данный нам царь-государь!

Да будет бессмертен твой царский род,

Да им благоденствует русский народ!

Пышная процессия с нами во главе торжественно шествует сквозь огромный зал, и мы проходим мимо тысяч приглашенных, которые стоят по обеим сторонам прохода в центре. Тысячи и тысячи глаз, лиц, одеяний. Придворные ливреи, кирасы кавалергардов, генеральские и адмиральские мундиры, ведомственные вицмундиры госслужащих, одеяния священнослужителей, цивильная одежда всех возможных типов, женские платья, установленных при дворе расцветок и фасонов...

Да, сегодня тут весьма разномастная публика. Много военных, среди которых немало женщин, приличное количество духовенства, аграрии со съезда в полном составе, чиновники высших рангов, губернаторы, представители иерархии двора, жены означенных чиновников, губернаторов и представителей.

И, конечно же, пресса, среди которой так же, как и в других «мужских профессиях» встречается все больше женщин, от молоденьких барышень до прожженных жизнью матрон. И, разумеется, есть немалое количество циничных и острых на слово мужчин. Ну, тут ничего не попишешь, пресса есть пресса. Эту беспокойную братию моя власть любит и целует в носик, не забывая подкармливать и устраивать им всякие дармовые фуршеты да прочие пикники с «сувенирами». В том числе и сегодня. Конечно, эта публика не всегда соответствовала строгому протоколу двора, но с этим приходилось пока мириться, время настоящего кремлевского пула еще не пришло.

Впрочем, что репортеры всякие, если наибольшим диссонансом с обстановкой и духом церемонии составляли как раз те самые аграрии, многие из которых были именно тем самым «сиволапым мужичьем», большей частью одетые либо в солдатскую форму, либо кто во что горазд. Попадались экземпляры даже в лаптях. Я велел пускать всех, невзирая и не препятствуя из-за отсутствия придворного дресс-кода. Пусть едут потом по своим деревням и рассказывают

жуткие небылицы про то, как они с самим царем общались в Кремле. Кремль-то мои дворцовые службы потом отмоют. А пиар – животное полезное.

Слава, слава нашему царю!

Слава, слава земле родной!

Слава героям Руси Святой!

Ура! Ура! Ура!

Что ж, всему приходит конец, и Андреевский зал не стал исключением. Звучит «Боже, царя храни!», и мы, повернувшись к залу, стоя слушаем гимн империи, ожидая возможности занять наши места.

Торжественно звучит голос Бенкендорфа:

– Дамы и господа! От лица всех верных подданных российской короны, мы низжайше просим их величества занять престолы Российской империи!

Помогаю Маше взойти на ее трон, и она, с едва заметным облегчением, величественно воссела на престол Всероссийский. Я ее понимаю. Для нее сейчас это всего лишь кресло. Просто кресло, не слишком-то удобное, но которое необходимо занять во время очередной государственной церемонии, будь она неладна. Сколько их было и сколько их будет еще, церемоний этих. А тошнит ее конкретно сейчас! И как мы так поедem в Константинополь?!

Камер-фрейлина Иволгина, во главе свиты фрейлин, поправляет мантию императрицы и занимает свое предписанное место среди «женской части» придворных. Единственная из них, кто не в платье, а в парадной форме поручика сил специальных операций.

Занимаю свой трон. Такой уже привычный и обыденный. Звучат фанфары, а граф Бенкендорф подает мне папку с тронной речью.

– Дамы и господа! высочайшее слово!

Быть царем – работа на редкость отвратительная и очень беспокойная, но по крайней мере есть и в ней свои мелкие радости – читать свою речь я могу сидя.

Остальным же придется стоять. Ну, ничего, пусть постоят, меньше будет геморроя.

Что ж, поехали.

– Честь в служении!

– На благо Отчизны!

Слитный рев тысяч глоток сотряс своды древнего зала откликом, ставшим уже привычным и естественным, а ряд красных знамен со звездой Богородицы, установленные по обе стороны от престолов Всероссийских, уже не воспринимаются как что-то непривычное. Как и культ наших царских личностей.

Москва. Большой Кремлевский императорский дворец. 26 августа (8 сентября) 1917 года

Граф Кутепов, отдав необходимые распоряжения, успел занять свое место в Андреевском зале, прежде чем государь и государыня заняли свои места на троне.

Командующий Императорской Главной квартирой генерал Артемьев шепнул Кутепову:

– Ее величество сегодня очень бледны.

Александр Павлович кивнул.

Продолжающийся вот уже неделю сильный токсикоз стал испытанием для молодой императрицы, которая, невзирая на рекомендации врачей, категорически не желала прекращать исполнение своих государственных обязанностей, включая проведение разного рода мероприятий и участие в совещаниях ведомства императрицы Марии, а канцелярия ее величества работала с полной нагрузкой и даже расширялась, благо глава канцелярии графиня Менгден жестко держала в своих руках работу всех структур и служб, высвобождая ее величество от излишней нагрузки.

Но глядя на бледную императрицу, Александр Павлович мог успокаивать себя лишь тем, что за дверями зала дежурят лейб-акушер Улезко-Строганова и группа сопровождения, готовые в любой момент прийти на помощь царице.

Впрочем, бледности ее величеству могло добавить и только что завершившееся секретное совещание, во время которого ее посвятили в особый план «Омега-2000», который при определенных обстоятельствах делал императрицу Марию лидером и знаменем государственного переворота в России. Тщательно разработанный Кутеповым план был не только одобрен Михаилом Вторым, но и был самим же царем и инициирован. Император категорически не допускал ситуации, при которой в случае его гибели власть досталась бы наследнику престола Павлу Александровичу или вообще кому-то из нынешних Романовых. На сей случай государь сегодня подписал завещание и новую редакцию Закона о престолонаследии, согласно которому в случае безвременной смерти императора Михаила до рождения сына трон должен был перейти императрице Марии, а армия, спецслужбы, Церковь и пропаганда должны были ее поддержать.

Впрочем, учитывая популярность императрицы Марии среди народа и армии, сделать это будет не так уж и сложно. Но все равно, как ни крути, речь шла именно о государственном перевороте, если называть вещи своими именами.

Тем временем граф Бенкендорф подал Михаилу Второму папку с высочайшим словом, и голос императора зазвучал под сводами Андреевского зала.

– Верные наши подданные! Члены Поместного собора Церкви нашей, делегаты Съезда аграриев, наше доблестное воинство, герои и героини империи, приглашенные на Большой императорский выход гости, уважаемые представители прессы, дамы и господа, наши боевые товарищи! Мы приветствуем вас здесь, в самом сердце России!

Император смотрел в огромный зал и говорил, почти не глядя в текст.

– Прошло полгода царствования нашего. Настала пора подвести первые итоги и сделать первые выводы. Год 1917-й стал великим годом для нашего Отечества. Одержаны великие победы и положено начало великим свершениям. Разгромлена Османская империя, взяты на штык Проливы и Царьград, одержаны победы в Галиции и на Балканах, в Западной Армении и Месопотамии, Сирии и

Южном Причерноморье, наш флот вышел в Средиземное море, а русское знамя Богородицы реет на Александреттой, Антиохией и Яффой. В небывалом сражении на Балтике разгромлена германская армада при Моонзунде, и теперь над бывшим немецким линкором «Гроссер Курфюрст» реет гордый Андреевский флаг. И, наконец, сегодня русско-итальянские войска подошли к окраинам святого града Иерусалима, а над Святой Софией в Константинополе вновь сияет святой крест Господень.

В зале стояла гулкая тишина, и лишь голос императора разносился над тысячами голов. Тишина стояла настолько всеобъемлющая, что стрекот кинокамер казался кошунством.

– Нет и не может быть сомнений в том, что Господь и Пресвятая Богородица благоволят России, наши успехи на фронтах и даже чудесный ливень, заливший пожары в Пскове и ставший настоящим благословением, – всё говорит об этом!

Тут все взоры обратились на «благословенную Марию Псковскую». Императрица достойно выдержала всплеск внимания, ничем не выдав своих мучений.

Государь продолжал:

– Но, как говорят, Господь помогает тем, кто сам себе помогает! В чем секрет наших побед и наших успехов? В единстве! В единении вокруг общего блага народа нашего, вокруг Отчизны нашей, вокруг символов наших – знамени Богородицы и двуглавого орла Российской империи. Полгода назад провозгласили мы идею освобождения и служения благу общества и Отчизны. За истекшие полгода сделано многое, на что в прошлом требовались годы и десятилетия. И вот пришла пора сделать новые решительные шаги к всеобщему благополучию и процветанию России.

После мгновенной паузы Михаил Второй провозгласил:

– Настоящим мы торжественно объявляем о возрождении патриаршества в Русской православной церкви и о согласии нашем на избрание архиепископа Антония патриархом Московским и Всея Руси. Также объявляем мы об издании нами высочайшего Манифеста о земле, составленного на основе рекомендаций, принятых на завершившемся вчера Съезде аграриев России. Эти два эпохальных события откроют новую страницу истории державы нашей.

Глава II

Головокружение от успехов

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

26 августа (8 сентября) 1917 года

Сегодня, после окончания Высочайшего приема и тронной речи ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА в Андреевском зале Большого Кремлевского Императорского дворца, Е. И. В. МИХАИЛ ВТОРОЙ провел расширенное совещание с Правительством Российской империи, министерствами, ведомствами и силовыми структурами Державы, посвященное текущему моменту, положению на фронтах, на международной арене, в экономике, промышленности и торговле России.

Высоко отметив значительный прогресс во всех сферах, а также успехи на фронтах, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР вместе с тем выразил свое высочайшее неудовольствие рядом негативных процессов в стране.

В частности, Е. И. В. МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ сказал:

«Победы нашего доблестного воинства и трудовой подвиг всего нашего народа приближают великое будущее для России. Гордо реют над огромными просторами святые и благословенные знамена Богородицы. “Честь в служении на благо Отчизны!” – так говорят десятки миллионов наших героев. Говорят, и прилагают все силы, приближая день благословенного освобождения Отчизны нашей и всего народа.

Близок этот день. День, когда исчезнут последние проявления угнетения человека человеком; день, когда солидарный труд и солидарная ответственность за наше общее светлое будущее придут на смену эгоизму и

ненависти. И каждый наш день, каждый наш подвиг, каждый наш успех, приближает святое Отечество к этой великой цели.

Однако с горечью отмечаю я множащиеся случаи явного головокружения от успехов. Случаи, когда чиновники, командиры, другие должностные лица империи нашей начинают недостаточно образцово выполнять свои обязанности, преступно уповая на то, что победа в Великой войне уже у нас в кармане, а значит, можно и нужно расслабиться и жить в свое удовольствие. Имеет место быть и вновь начавшее проявляться желание отдельных недостойных лиц нажиться на крови наших воинов и на поте всего народа нашего.

Я считаю эти случаи откровенно вражескими по отношению к Отчизне нашей и народу нашему.

Требую от председателя Совета министров, всех министерств и ведомств самым жестким образом пресекать любые проявления подобных настроений. Требую от Высочайшей Следственной комиссии и Отдельного корпуса жандармов решительно и без всякой недопустимой жалости расследовать и передавать в трибунал все подобные дела. Требую в полной мере информировать верных моих подданных обо всех случаях действий врагов народа, которые подрывают боевую мощь нашей армии и флота, наносят ущерб общественным и экономическим интересам Отчизны, вредят делу Освобождения».

Османская империя. Иудея. Иерусалим

26 августа (8 сентября) 1917 года

Пулеметы били со стороны города, не давая приблизиться, и барон Врангель лишь досадливо кряхтел, глядя в бинокль на результаты попытки с ходу войти в Иерусалим.

И что прикажете делать в сложившейся ситуации?

Нет, поначалу все шло хорошо. Они с ходу высадили десант и практически без боя взяли Яффу, гарнизон которой, поглядев в хищные жерла 305-миллиметровых орудий главного калибра линкора «Императрица Екатерина

Великая» и четырех итальянских броненосцев типа «Реджина Елена», все быстро понял и, сделав для себя правильные выводы, почти сразу капитулировал.

Высадившиеся первыми эскадроны чеченского полка Дикой дивизии сразу устремились к двум германским аэродромам, где уже вовсю орудовали бойцы сил спецопераций. И там у них все срослось. Аэродромы были взяты, и даже захвачены германские аэропланы, что лишило противника не только превосходства в воздухе, но и вообще возможности вести воздушную разведку и координировать передвижение своих войск.

А под Иерусалимом они споткнулись.

Как говорится, что-то пошло не так и где-то у ребят из ССО не срослось. Гарнизон противника не был парализован, а пулеметные точки не были обезврежены. Во всяком случае, далеко не все.

В принципе, гарнизон Иерусалима был не так и велик, всего-то 12 Depot Regt – полк охраны складов под командованием майора Вюрта фон Вюртенау. Да и то, «полк» – это громко сказано, реально батальон с личным составом в семь сотен солдат, причем немцев и австрийцев лишь одна рота, остальная публика из осман. Город не был особо укреплен, а тяжелого вооружения у противника толком не было. И это при том, что русско-итальянский корпус имел значительное численное преимущество и серьезное превосходство в огневой мощи. Но обстреливать из тяжелых орудий Святой град решительно не хотелось. Не дай бог влетит снаряд с какую-нибудь древнюю святыню, и что тогда скажут о русских варварах в мире? Да и государь точно не обрадуется, ибо это значительно осложнит его претензии на лидерство в православном мире.

Впрочем, орудий-то как раз у авангарда не было, поскольку двигались налегке.

И самое паршивое, что на выручку засевшим в городе движется конная дивизия генерала Мендоса. Разумеется, движение вражеской дивизии удалось отследить при помощи авиаразведки, и на перехват выдвинулся конно-пулеметный полк Каппеля, но как там все повернется, еще бабушка надвое сказала, да и вообще немцы могут начать отход из Газы к Иерусалиму, позволяя британцам наступать на север, что уж точно не входило в планы русско-итальянской операции.

Государь поставил задачу четко и однозначно – войти в Иерусалим первыми! Войти любой ценой! Но входит ли в цену обстрел Храма Гроба Господня, к примеру? Вот то-то и оно.

Генерал покачал головой. Возможно, решение двинуть полк Каппеля на перехват дивизии Менделя было ошибкой. Критической ошибкой. Артиллерийско-минометный эскадрон с его батареей 37-мм орудий и батареей минометов были бы у Иерусалима на вес золота.

А теперь приходится ждать, пока принц Эммануил Филиберт Савойский герцог Аостский выгрузит в Яффе с транспортов две русские бригады и две итальянские дивизии с тяжелым вооружением и выдвинется к Иерусалиму. А это время, время, которого нет.

Москва. Кремль. Дом империи. 26 августа (8 сентября) 1917 года

– Я требую самых решительных мер по пресечению шапкозакидательских настроений в армии, на флоте, среди служащих министерств и ведомств. Самые решительных! Кто саботирует работу и исполнение установленных планов, кто занимается приписками, кто любым образом вредит делу – должны быть взяты в работу следственными органами. Это касается и государственного аппарата, и органов власти на местах, и промышленности, и транспорта, и сельского хозяйства. Все, кто находится не на своем месте, кто отстал в своем развитии от России, кто продолжает жить и мыслить так, словно на дворе прошлый век, все они должны быть отстранены от своих должностей. Никакие прошлые заслуги и громкие фамилии не должны быть препятствием. Критерий оценки для нас – эффективность и успех каждого на вверенном ему месте. Двигайте вперед молодых, тех, кто успел зарекомендовать себя в реальном деле. Вся система государственного управления должна быть обновлена.

Я вещал, раздавал указания, метал громы и молнии. Сидевшие за длинным столом министры, руководители ведомств и структур, главы спецслужб и прочие генералы с адмиралами записывали мои ЦУ, поднимались, давали мне пояснения по называемым мной фактам разгильдяйства, приписок, закоренелого бюрократизма, откровенного саботажа со стороны представителей старых элит, а также стариков в госаппарате.

В общем, было интересно. Пока я развлекался в Крыму и на Балтике, все это время мои спецслужбы собирали компромат, в том числе и друг на друга. Работа всех структур внимательнейшим образом мониторилась, данные собирались и систематизировались, в том числе и факты мутных игр вокруг казенных заказов и поставок по ленд-лизу.

Так начинались очередные чистки в России, очередная волна репрессий. И затеял я все это отнюдь не из любви к искусству или из-за какой-то паранойи, помноженной на врожденный утонченный садизм. Отнюдь.

Во-первых, аппарат действительно необходимо было перетряхнуть, а его работу требовалось решительно перезагрузить. Слишком часто колесо государственной машины стало вращаться на холостом ходу, лишь имитируя бурную деятельность под громкие напевы про служение и прочее освобождение. Обычная, в общем-то, история для любого потерявшего всякий страх госаппарата.

Во-вторых, мне нужно было активно продвигать вперед более молодые и амбициозные кадры, которые поднимутся вверх уже при моем «кровавом режиме» и которые не будут ментально и лично связаны с прошлым царствованием. Двигать тех, кто готов пахать, вкалывать и расталкивать локтями конкурентов, стараясь занять лучшее место под солнцем. А то, что шло полное переформатирование всех слоев элиты, ясно было каждому умному человеку. Причем я вовсе не отодвигал всех представителей старой элиты, все, кто был верен мне, кто был эффективен и удачлив, кто показывал результат на поле боя или в тылу – все получали от меня перспективу роста и вкусные плюшки. Те же, кто считал себя бугром с горы только потому, что относится к потомкам какого-нибудь Рюрика в не пойми каком колене, тех я от реальной власти и от принятия решений отстранял, определяя либо на второстепенные направления, либо отправляя послами и посланниками в другие страны, либо губернаторами в современные аналоги Тмутаракани. А если было за что, то мог и под трибунал отправить.

В-третьих, завершившийся Съезд аграриев и подписанный Манифест о земле не могли не вызвать мощное землетрясение во всей государственной машине, слишком большие интересы были вовлечены в процесс, слишком многим был не по душе принятый закон, как, впрочем, и я сам. А опыт минувшего полугодия четко доказывал, что как только этих деятелей оставить в покое, как только дать им возможность расслабиться и перестать нервно прислушаться к звукам

подъехавшего к подъезду черного автомобиля с суровыми ребятами в синих мундирах, так сразу начинаются заговоры и прочие непотребства. Так что пусть «воронок» ездит. А чиновники пусть вздрагивают.

В-четвертых, мне надо было подготовиться к весне будущего года. И империя должна встретить пандемию во всеоружии, а все структуры госаппарата, включая церкви, должны работать как часы, сразу подпрыгивая с места, получив приказ, а не выясняя, что да как, и что из этого можно не выполнять, и где их личный интерес в каждом конкретном полученном приказе.

В-пятых, опыт попыток переселения в Сибирь при Николае Втором показывал, как легко все дело может быть сорвано и разрушено по причине бюрократизма, косности, неповоротливого механизма государственного управления, несогласованности министерств и ведомств. Я такого себе позволить не мог, ведь мне предстояло провести массовое переселение куда больших масштабов и в Ромею, и в самой России. А все это требовало четкого выполнения плана, хорошо организованного снабжения всем необходимым и безупречной работы министерств. Ведь помимо, так сказать, простого механического вопроса с доставкой на новые места жительства миллионов людей нужно их снабдить всем необходимым, включая массу специалистов и консультантов из местных, которые имеют опыт жизни в этих местностях, опыт хозяйствования, и могущих все эти знания передать прибывающим. Поэтому мы и искали сейчас в Восточной Фракии и в лагерях спасения у Проливов такого рода полезных людей, которые поступали к нам на госслужбу за бочку варенья и корзину печенья. И не только в Ромее искали. Та же Сибирь, к примеру, тоже должна быть освоена.

В-шестых, я планировал начать бурную индустриализацию во всех смыслах этого слова. И я был против того, чтобы неэффективный госаппарат мешал этому святому делу.

В-седьмых, я планировал вновь покинуть Москву, а опыт прошлого раза показал, что многие посчитали, что раз царь далеко, так можно и расслабиться. Так что пора всех вернуть в сознание и привести в чувство. Тем более что механизм надо отладить так, чтобы он эффективно работал и без моего присутствия.

– Война еще не окончена, господа! Мы должны помнить о том, что технически наши противники более развиты, чем мы, а наши союзники слишком заняты своими делами, чтобы нам помогать. Лишь полная и тотальная мобилизация всех сил государства и общества дадут нам возможность победить в Великой войне.

И лишь четкая и слаженная работа всего государственного механизма. За работу, господа!

Что ж, черный «воронок» выехал на улицы и в этой истории. И поездит он куда дольше, чем это случилось в памятную «Ночь длинных молний», когда промышленников и фабрикантов грозовой ночью хватили по всей Москве и везли в Высочайший Следственный комитет «для дачи пояснений» по поводу организации манифестаций в Первопрестольной.

Тогда мне удалось привести господ в чувство. Можем повторить!

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

26 августа (8 сентября) 1917 года

Сегодня ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ МАРИЯ ВИКТОРОВНА почтили своим Высочайшим присутствием торжественный молебен в честь чествования празднества Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы – самой древней и одной из самых чтимых чудотворных икон Русской православной церкви.

Почитая так же Псково-Печорскую икону Божией Матери «Умиление», ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ МАРИЯ ВИКТОРОВНА Высочайше повелела возвести в городе Пскове Храм Явления Пресвятой Богородицы в ознаменование божественного благословения, сошедшего на Псков и всю Россию, и пожертвовала суммы из собственных средств на возведение храма и восстановление прочих православных церквей города, пострадавших в результате взрывов на артиллерийских складах Северного фронта 14–15 августа сего 1917 года.

Собравшиеся на божественную литургию и прочие гости Кремля поздравили ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ ВСЕРОССИЙСКУЮ МАРИЮ ВИКТОРОВНУ с именинами и пожелали Е. И. В. и всей Августейшей Семье здравствования и всяческого благополучия во славу России и на благо всех верных русских подданных.

Москва. Кремль. Дом империи. 26 августа (8 сентября) 1917 года

«Государь!

Нижайше прошу ваше императорское величество дать высочайшее дозволение на зачисление в число учащихся Звездного лица моего племянника, Михаила Мостовского, на основании того, что мой брат полковник Василий Петрович Мостовский погиб под Двинском, оставив безутешную вдову Ольгу Кирилловну с сыном в весьма стесненных денежных обстоятельствах.

Я уже переслал семье брата некоторые суммы из своих средств, но ходатайствую о предоставлении возможности мальчику получить воспитание и образование, достойное новой элиты нашей благословенной империи.

Кроме того, насколько мне известно, Ольга Кирилловна рвется записаться на фронт и мечтает попасть в авиацию.

Покорный слуга вашего императорского величества,

Генерал Свиты граф Александр Петрович Мостовский,

Имперский комиссар,

чрезвычайный и полномочный посол Российской империи во Франции».

Выдыхаю и поднимаю взгляд на Машу. Ее глаза веют опасностью. Понимаю, насколько вся эта тема ей неприятна. И будь на ее месте другая женщина, то грандиозный скандал был бы мне гарантирован. Впрочем, будь на ее месте другая женщина, то я бы ей и не говорил об этом. Тем более на именины.

Токсикоз и гормональная перестройка организма могут выкинуть любые чудеса, и реакция могла быть совершенно непредсказуемой. Но таков был наш уговор изначально, и изначально Маша требовала от меня «расчета по прошлым долгам». И грехам.

Императрица одарила ненавидящим взглядом стоявший на столике стакан воды и лишь после этого посмотрела мне в глаза. И я видел, как в ее зрачках постепенно угасало пламя гнева, загоняемое вглубь железной волей.

– Ты не можешь отказать. Это твой сын, даже если он сам не знает об этом.

Она помолчала, взвешивая слова. Наконец, она выдохнула:

– Я хочу увидеться с ней.

Непонимающе смотрю на нее.

– Но, прости... Зачем?

Маша качает головой.

– Я хоть и русская, но я итальянка. А итальянцы очень темпераментные люди. И очень ревнивые. И я не хочу строить фантазии и терзать тебя необоснованными глупыми подозрениями...

Жена запнулась, но затем сказала с каким-то удивлением:

– Впрочем, этот месяц изменил многое во мне. И дело тут не в беременности. Точнее, не только в ней. Все, что произошло, мой перелет на дирижабле вокруг всей Европы в Москву, наша безумная свадьба в Марфино, коронация, дворец Меллас в Крыму, победа над османами, грандиозная битва при Моонзунде, мой головокружительный полет в Псков, псковское чудо, благословенный ливень, Петроград, Кронштадт, вновь Москва, все эти тысячи и тысячи паломников на всех станциях нашего пути, те тысячи падающих на колени в Пскове – все это изменило меня. Я больше не та романтическая барышня, какой была еще пару месяцев назад, когда беззаботно гуляла по залам Квиринальского дворца. Корона империи – очень тяжелое украшение. Гораздо тяжелее той роскошной диадемы, которую ты подарил мне в Риме на мой день рождения. И я знаю, что твоя корона значительно тяжелее моей. И я... Я хочу снять хотя бы часть груза с твоей души. Давай встретимся с госпожой Мостовской вместе.

– Хорошо, я назначу ей высочайшую аудиенцию.

Маша качает головой.

– Она знает. Ты знаешь. Я знаю. К чему все это? Давай расставим все точки над «і».

– Каким образом?

– Как погиб полковник Мостовский? Ты наверняка ведь навел все справки.

Киваю.

– Разумеется, мне представили полный отчет об обстоятельствах его гибели. Геройская смерть во время прикрытия выхода из окружения основных сил 38-й дивизии.

– Его героическая смерть достойна титула?

– Ну...

Я задумался. В конце концов, я мог пожаловать титул кому угодно безо всяких на то объяснений и парламентских дебатов, но, с другой стороны, в раздаче титулов направо и налево нет ничего хорошего, поскольку происходит девальвация титулов как таковых. Да и не хотелось бы дать почву для размышлений, отчего и почему дали титул за довольно рядовой, хотя и достаточно героический подвиг. Впрочем, наверняка все припишут «волосатой лапе» его брата – имперского комиссара графа Мостовского. Что тоже, в общем, не совсем в кассу, но...

– Ну, я мог бы пожаловать титул, скажем, того же барона.

– Что ж, титул невелик, но было бы неправильно, чтобы твой сын не носил хотя бы его.

Мотаю головой.

– Солнце мое, это-то тут при чем?

– При том. Это твой сын. Кровь императора священна.

От Российского Информбюро.

Сводка за 26 августа (8 сентября) 1917 года

На Балканах русская 4-я Особая бригада под командованием генерал-майора Максима Леонтьева овладела важнейшей военно-морской базой Австро-Венгерского флота городом Катарро. Все находящиеся в гавани боевые корабли и вспомогательные суда противника взяты под контроль русскими призовыми командами.

Напомним, что на базе Катарро был поднят мятеж командами кораблей эскадры, которые отказались исполнять приказ о выходе в море для сражения с итальянским Адриатическим флотом. В той битве эскадрой под командованием адмирала Луиджи Амедео принца Савойского была одержана победа над австро-венгерским флотом под командованием контр-адмирала Хорти. Итальянцам тогда удалось потопить австро-венгерские линкоры «Сент-Иштван» и «Принц Ойген», броненосцы «Радецкий» и «Зриньи», броненосный крейсер «Санкт-Георг», множество более легких кораблей и судов противника.

Из Парижа сообщают об отводе на отдых подразделений прославленного 6-го Особого ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА лейб-гвардии Парижского полка, внесшего неоценимый вклад в защиту этого города.

Сегодня во французском Бресте высадилась 2-я дивизия Экспедиционного корпуса США в Европе. Это первая дивизия ЭК США, которая смогла добраться до европейского континента.

Напомним, что 1-я дивизия Экспедиционного корпуса США погибла в полном составе при торпедировании американского лайнера «Левиафан» германской подводной лодкой 9 июля 1917 года во время перехода через Атлантику войск США, отправляемых на Западный (французский) фронт.

Союзные итальянские войска взяли под контроль австро-венгерский порт Риека.

Продолжаются варварские бомбардировки Британии силами германской дальней авиации. За истекшие сутки немцы нанесли удары по таким городам, как Лондон, Портсмут, Манчестер, Кардифф. Ответной бомбардировки британской авиации подвергся германский город Дюссельдорф.

Османская империя. Иудея. Окрестности Иерусалима. 26 августа (8 сентября) 1917 года

Полковник Каппель напряженно смотрел в бинокль, наблюдая за тем, как беспечно движется по прожаренной солнцем каменистой пустыне небольшой отряд казаков, охранявших длинную вереницу крытых повозок.

Идея есаула Булавина была рискованной и могла сработать только в случае, если противник не был осведомлен о действиях Особого конно-пулеметного полка в этом районе. Конечно, все было шито белыми нитками, и при наличии у противника адекватного командования вся затея обернулась бы весьма неприятными последствиями.

Была одна надежда – на то, что горячие и слабо дисциплинированные османские аскеры не станут слишком задумываться над тем, почему какие-то повозки запряжены тройкой лошадей каждая. Впрочем, Булавин именно на это обстоятельство и напирал, указывая на то, что, во-первых, османы подумают, что повозки везут что-то тяжелое, а во-вторых, сами лошади могут вызвать повышенный интерес. Ну, а куцая охрана из казаков будет сочтена несерьезной, при столь лакомой добыче.

Как бы то ни было, но отряд двигался, а авангард противника уже появился в поле видимости.

Каппель махнул рукой и вновь припал к биноклю, наблюдая за приближением противника. Прикрытые каменистыми холмами эскадроны изготовились к бою, а артиллерийские и минометные батареи ждали лишь сигнала к открытию огня.

– Господин полковник!

– Вижу, Паскевич, вижу.

Действительно, еще несколько мгновений назад замерший в нерешительности конный авангард противника вдруг разразился воплями и рванул вперед на полном скаку.

Штабс-капитан Паскевич вопросительно посмотрел на командира, но тот лишь покачал головой.

– Рано.

Было видно, как отряд Булавина начал поворот, выстраиваясь в линию, параллельную атакующей лаве противника, которого, судя по всему, этот маневр нисколько не насторожил. Расстояние стремительно сокращалось, но Каппеля беспокоила реакция основной группы войск противника. От того, двинутся ли они вперед или останутся в стороне, зависел исход боя, ведь играть в догонялки с мобильной конной дивизией их измотанному длинным маршем полку будет весьма затруднительно, а значит, аскеры вполне могут прорваться к Иерусалиму, поставив под вопрос весь смысл экспедиции.

Тут многое, если не все, зависело от решения сумрачного германского гения венесуэльского происхождения генерала Мендеса. И от того, насколько он может держать в узде свое дикое воинство.

Наступал критический момент всей битвы, поскольку расстояние между авангардом осман и отрядом Булавина стремительно сокращалось, и изображать жертву они долго не могли.

Выстроившись в линию по фронту, повозки на полном ходу катили по пустыне, стараясь оторваться от преследователей, которые, почуяв легкую добычу, с криками и пиками наперевес мчались вперед, не обращая внимания ни на что вокруг.

– Господин полковник! Купились!

– Молодец, Булавин!

В бинокль было видно, как за линией авангарда несется вперед и основная масса османской конницы.

Расстояние сокращалось, и Каппель мог лишь представлять, что творилось в душах бойцов из отряда Булавина, которые были значительно ближе к противнику. Скакать и видеть, как неумолимо сокращается дистанция, как все больше шансов просто не успеть открыть эффективный огонь. Но они тянули до последнего, вытягивая основные силы осман под действие огневых сил полка.

– Приготовиться!

Владимир Оскарович поднял руку.

– На позиции!

На холмах началось движение, и эскадроны тачанок выезжали из-под прикрытия местности и разворачивались для прямого удара, охватывая полукольцом поле боя и давая возможность пулеметчикам бить перекрестным огнем с флангов.

И вот отряд Булавина пересек отмеченную крашеными камнями линию. Из недр повозок показались тупые рыла «Максимов».

– Огонь!

Первыми ударили пулеметы Булавина, к ним, убедившись, что отряд ушел с линии огня, присоединились станковые «Максимы» на тачанках основных сил полка и ручные «Мадсены» занявших позиции между тачанками пулеметных расчетов. Хлопали минометы, гулко били орудия.

Полковник Каппель смотрел на поле избиения.

Сотня пулеметов, батарея орудий и батарея минометов превращали пространство впереди в нечто неопишное. Десятки и десятки тысяч злых пуль, десятки не менее злых снарядов и сотни минометных мин.

Феерия огня, стали и крови...

Рафаэль Инчауспе де Ногалес Мендес.

Записки командарма. Мехико,

издательство «Миллитерра», 1932[1 - Текст Виталия Сергеева.]

Утро 6 сентября я встретил в Газе. Прошло всего три дня после того, как ведомые Кресс-пашой[2 - Фридрих Кресс фон Крессенштейн, германский полковник, османский генерал, командующий 7-й армией на Синайско-Палестинском фронте.] наши и германские части опрокинули англичан, и авангард нашей дивизии уже вчера вечером встал у Ариши. Мои аскеры рвались в бой, казалось, что совсем немного, и мы на спинах британцев вырвемся за Канал и рассчитаемся за весь позор поражений ушедшего лета. Но наш мушир медлил, сохраняя, по мнению моих однополчан, нас для главного наступления.

Утро началось как обычно. Молились, кормили коней, ели сами... Готовились к дальней дороге.

Наши кавалеристы были превосходными солдатами, но они, по-видимому, не держали своих лошадей так, как следовало бы, вероятно, из-за своего татарского происхождения. Не следует забывать, что много веков назад монголы, как и их ученики казаки, использовали своих лошадей не только для ведения войны, но и в качестве вьючных животных, чтобы перевозить свои войска через степи и пустыни между Туркестаном и Индией, Китаем и Венгрией.

Каждый воин этих долгих каймакских набегов обычно брал с собой десять или более крепких, бережливых маленьких пони, которые круглый год держались на мху и естественных пастбищах, не требуя ухода от своего хозяина. Только так туркмены могли проходить по семьдесят-восемьдесят километров в день, день за днем, месяц за месяцем, не теряя своих лошадей. Отношение татарина к своему коню, как к существу, не требующему от него ни пищи, ни заботы, сохранилось у турка и сегодня. Вот почему османская кавалерия, которая в начале мировой войны была примерно армейским корпусом, к концу ее почти совсем опустела.

Через час пришло сообщение от генерала фон Кресс-паши, командующего нашими резервами в Газе, с приказом нашему гарнизону немедленно выступить на северо-восток, чтобы укрепить наши силы в Иерусалиме.

Полчаса спустя наши четыре тысячи аскеров отправились в Иерусалим, не имея практически никакого другого снаряжения, кроме личного оружия. Как я узнал из приказа, утром русские и итальянцы высадились в Яффе, и наш главнокомандующий фон Фалькенхайн[3 - Эрих Георг Себастьян Антон фон Фалькенхайн, германский генерал пехоты, бывший начальник Германского генштаба, командующий ВС Четвертичного союза на Синайско-Палестинском фронте, маршал (мушир) Османской империи.] опасался, что они попытаются захватить наши склады в Иерусалиме, который охранял всего ли один германо-турецкий полк.

Мы выступили уже в полдень, вопреки всем обычаям этих мест. Зной и в начале сентября здесь нестерпимый, и никто не идет через эти каменистые земли днем. Но надо было спешить, и мы, напоив коней и взяв дополнительные бурдюки с водой, выступили.

Не буду подробно описывать наш путь. До самого Вифлеема единственными врагами нашими были зной и страшная усталость. Неукротимое мужество, или фанатизм, называйте это как хотите, и традиционное мужество османов часто во время мировой войны являли собой примеры той свирепой выносливости, которая с незапамятных времен прославила их как одну из самых доблестных и воинственных наций Старого Света. Явили они его и в эти дни: проходя по 60-70 верст в день под палящим солнцем.

Я не мог не восхищаться самоотверженностью и религиозным настроением наших турецких солдат, которое обычно поддерживалось присутствием многочисленных священников в их рядах. Но в походе они не один раз мешали. Их обычай требует частого омовения. Я был удивлен, когда впервые увидел, как наши аскеры толпой, не напившись сами и не напоив коней, припадают к колодцам для омовения. После такого вода превращалась в муть, и приходилось кипятить её, чтобы напиться. Наученный опытом, я очень тщательно отбирал авангард, назначая в него не просто смелых, но дисциплинированных и культурных турок. В этот раз эта привычка меня и сгубила.

Вечером 8 сентября мы, после короткой дневки, подошли к Вифлеему. Наша 3-я кавалерийская дивизия сильно устала, но весть, что русские остановлены у Иерусалима, ободрила нас. Я притормозил авангард, подтянул отстающих. Хотелось войти в Вифлеем и Иерусалим слаженной боевой колонной.

Сражаясь и бегая поочередно на разных фронтах, я имел возможность довольно близко наблюдать за нашими турецкими солдатами. Мы почти никогда не осмеливались приказать им атаковать штыком, потому что у нас не было никакой возможности отозвать их после того, как они начали атаковать. Мы не использовали горны в действии, только свистки.

Как только была дана команда атаковать, они ушли, крича «Аллах, Аллах», чтобы умереть до последнего человека под сосредоточенным огнем вражеской артиллерии и пулеметов. Эти аскеры никогда не оглядывались назад, только вперед. Наши кавалеристы были не менее отчаянны.

Уже у самого Вифлеема мой авангард неожиданно рванул вперед, увлекая за собой остальную колонну. Мне ничего не оставалось, как пытаться догнать эту расплывающуюся лавину и или возглавить её, или остановить. Уже после этой бешеной скачки я узнал, что кто-то из моих аскеров увидел небольшой казачий разъезд с повозками и решил взять трофей на копье.

Я никогда не забуду, пока живу, эту ужасно возвышенную, внушающую благоговейный трепет сцену; тот могучий, дикий звук, когда тысячи копыт, поднимая за собой в испепеленное небо плотное облако пыли, несутся лавой навстречу врагу. Я не видел уже, что творится впереди, старался прорваться через этот песочный туман, но его вдруг разорвал другой дикий металлический вой. Топот и крики «Аллах» смешались с этим новым рокотом в оглушающий шторм. Я выскочил из песочной волны и увидел перед собой растущую красную гору человеческих и конских тел. Я ещё не успел понять случившегося, но эта неведомая разрушительная сила вырвала из-под меня коня и на всём скаку ударила о землю. Дальнейшего боя я не помню.

Москва. Кремль. Дом империи. 26 августа (8 сентября) 1917 года

Свечи, торт, узкий семейный круг – что может быть лучше после тяжелого трудового дня, полного забот и переживаний? И пусть свечи не в торте, а в подсвечниках, пусть за столом всего трое, разве это может помешать добропорядочной семье отпраздновать сразу двойные именины?

И пусть именины – это не день рождения, но все же иной раз так хочется праздника! Причем не того официоза, которыми сыт по горло даже Георгий, а

сугубо внутрисемейное торжество.

Сын болтал без умолку, рассказывая нам с Машей всякого рода веселые истории из жизни пионерского лагеря в Марфино и подготовительных курсов Звездного лицея, о своих закадычных друзьях и об их совместных проделках. А компания у него там, надо сказать, подобралась знатная: Вася Романов (князь крови императорской Василий Александрович), Коля Спицын, Ваня Иванов и Степа Силантьев. Чудная компания, что ни говори. Для меня так и осталось загадкой, каким это образом сын императора и член императорской фамилии сошлись с сыном кадрового офицера штабс-капитана Спицына, заводского рабочего Иванова, забритого в армию в мобилизацию и погибшего в Галиции, а также с сыном крестьянина Московской губернии Силантьева, погибшего на Кавказе. Собственно, только это и объединяло всех в Звездном лицее – гибель кого-то из родителей на войне или на службе Отечеству. Объединяло всех, кроме Георгия.

Впрочем, формально я ничего не нарушил в уставе Лицея, ведь графиня Брасова погибла, так сказать, на боевом посту, от рук террористов-революционеров. Но это формальности, сами понимаете.

Так вот, сын покойного Сандро и моей сестры Ксении, сын офицера, сын рабочего и сын крестьянина вдруг оказались закадычными друзьями моего Георгия. И если с первым было как-то понятно, все ж таки он был с Георгием из одного круга, то вот Коля, Ваня и Степа меня просто удивляли – они настолько органично вписались в великосветскую пацанскую тусовку, что у меня не было ни слов, ни комментариев.

Хотя следует признать, что в Звездном лицее знатность фамилии являлась, скорее, фактором отягощающим, ввиду того, что от них и требовали намного больше (надо соответствовать!), и били их куда чаще, поскольку в основном в лицее учились далеко не только дворяне. Ну, тут ничего не попишешь, на том лицей и строился – плавильный котел всех слоев и сословий, из которого формировалась новая имперская элита. Пускай формируют свои команды, отстаивая друг друга.

А кто вдруг не хотел отдавать свое чадо в Звездный лицей, мог попробовать поступить в более приличное место. В Пажеский корпус, например. Или в Смольный институт благородных девиц. Но, насколько я знал, морды били везде и всем, вне зависимости от «элитности» и половой принадлежности.

В общем, великолепная шестерка куролесила все лето и явно не собиралась останавливаться. Георгий, кстати, тоже не раз огребал по лицу (и не только!). Самого сына царя, понятно, бить никто не решался, но поскольку он никогда не оставался в стороне от разборок, то нередко огребал за компанию, когда в горячке драки уже не смотрят, кого и куда бьют.

– И вот как мне тебя везти в Константинополь, с таким-то фонарем?

Георгий гордо повернулся ко мне тем глазом, под которым красовался красивейший фингал.

– Ха! Ты не видел тех, с кем мы дрались!

Киваю.

– Ага. А друзья твои тоже такие же красивые?

Сын с торжеством ответил:

– Так никто ж не прятался за спинами! Но мы их погнали!

Усмехаюсь.

– Ну, прямо д'Артаньян и три мушкетера, право!

– Практически!

Тут уж я хохочу в голос. Где он только слов таких понабрался! Да, это не за высокими стенами Кремля скучать, в лицее настоящая жизнь для пацана. Впрочем, там и девчонок предостаточно, благо учились они совместно, что было определенным новшеством для этого времени.

Маша, улыбаясь, слушает наш разговор. Позади тяжелый день, а завтра будет ничуть не легче. Но сегодня мы все вместе, и сегодня у нас праздник.

Наконец, Георгий выдохся и решил устроить себе пятиминутку пирога с вишней. Я уточняю:

– Так что, поедешь с нами в Константинополь?

Мальчик оживленно кивает, активно жуя. Потом, судорожно проглотив, спешно спрашивает:

– А мушкетеров моих можно взять?

– Гм... Ну, вряд ли руководство лица будет в восторге, но, так и быть, можешь взять своих друзей. Думаю, пару недель отсутствия вам простят. Но ты же понимаешь, что все будут вам завидовать и оттого драк будет куда больше? Я же не стану задействовать ИСБ для охраны вашей ватаги в лицее!

Георгий воинственно подбоченился:

– Мы им всем покажем!

– Ага. Только давайте без членовредительства. Мне только сломанных рук и ног не хватало.

Сын активно кивает и впихивает в рот новый кусок пирога. Ну, и где этикет? Совсем расслабился в своем пионерском лагере!

Однако сильно надолго его не хватило. Рассказав новости и похваставшись фингалом, слопав пирог и получив подарок на именины, Георгий тут же заерзал и начал отпрашиваться к друзьям, которых он также (с моего дозволения) притащил в Кремль.

– Ну, иди, иди. Заждались тебя там уже. Евстафий принесет вам пирог и прочие сладости.

– Спасибо, пап! Пока, пап! Пока, Маш!

Маша засмеялась и подмигнула мальчику:

– Вы там не слишком сладостей объедайтесь!

Но тот уже скрылся за дверью.

Поднимаю бокал с апельсиновым соком.

– За тебя, радость моя! С именинами тебя! С днем ангела!

– Спасибо, любимый.

Маша чокается со мной стаканом с отваром шиповника. Пригубив, отставляет его в сторону и просит:

– Спой что-нибудь. Ты так давно не пел для меня.

– Прости, солнце мое. Обещаю исправиться!

Беру гитару и начинаю негромко петь, глядя в грустные глаза жены.

Гори, гори, моя звезда.

Звезда любви приветная.

Ты у меня одна заветная,

Другой не будет никогда.

Жена моя, благословенная,

Звезда любви, волшебных дней.

Ты будешь вечно неизменная,

В душе так любящей моей.

Сойдет ли ночь на землю ясная,

Так много звезд, нужна одна.

В моем пути в жизнь так прекрасную,

Ты – путеводная звезда.

Твоих лучей небесной силой,

Вся жизнь моя озарена.

И будешь ты всегда любимой,

Гори, сияй, моя звезда!

Москва. Кремль. Дом империи. 27 августа (9 сентября) 1917 года

Новый день, новые совещания. Как скучна и однообразна жизнь правителя Государства Российского! Скучные официальные лица, строгие официальные бумаги. Сплошной официоз и скука. Фронты, войны, сражения. Перевозки, поставки, снабжение. Протоколы, письма и донесения. Сотни и тысячи дел, рапортов и прошений. И всем что-то от тебя надо, нужны решения, дозволения, одобрения и прочие повеления.

Иной раз, глядя на окружающих, я ловил себя на вопросе: это они винтики в моем механизме власти или это я винтик в их государственной машине? Поди знай. Верно и то, и другое.

– Так что с Иерусалимом?

– Барон Врангель ведет переговоры о сдаче с местным гарнизоном, напирая на нежелание проливать кровь в Святом городе, но демонстрируя решимость это сделать в случае отказа.

– Они в курсе резни у Вифлеема?

Палицын кивнул.

– Так точно, государь. Но немецкий майор Вюрт фон Вюртенау отказывается от сдачи. Впрочем, барон Врангель надеется, что османы сдадутся и без его команды. Над Иерусалимом наши самолеты разбрасывают листовки соответствующего содержания.

– Это недопустимая задержка! Фронт против англичан практически снят, и противник продвигается на север, а за ними маршем идут британцы. Не мне вам говорить, что это все значит для нас.

– Да, государь.

– Ну так поторопите Врангеля! Что силы специальных операций?

– Генерал Слащев непосредственно координирует операцию.

– Плохо координирует! Очень плохо! Так ему и передайте!!!

Москва. Кремль. Дом империи. 27 августа (9 сентября) 1917 года

– Мы рады видеть вас в Кремле, госпожа Мостовская.

– Благодарю вас, ваше императорское величество.

Ольга склонила голову, приветствуя императрицу. А я смотрел на одетую в траур женщину и думал о своем. Парадокс истории – я имею возможность видеть свою прабабку молодой 28-летней женщиной, не имеющей ни малейшего понятия о том, что перед ней не просто император Всероссийский, а ее прямой, пусть и довольно далекий потомок.

Я смотрел на статную русоволосую даму и пытался понять, что же испытывал мой прадед к Ольге Кирилловне? Скоротечную любовь, вспыхнувшую пожаром, но и погасшую довольно быстро, стоило царственному братцу и не менее царственной мама наехать на него? Или же чувства были более глубокими и прадед, даже женившись на Наталье Вульферт, все еще в тайне души любил Ольгу? Но ведь там еще были и другие женщины. Та же Коссиковская, к примеру.

Не знаю. Оставив мне память, он не оставил мне своих чувств.

Но лично я не испытывал к этой давней пассии прадеда никаких эмоций, не говоря уж о любви. Для меня эта женщина была абсолютно чужим человеком,

хотя я и помнил немало пикантных подробностей той связи. Однако же у нее был сын, в жилах которого текла кровь императора (моя) и который был, на секундочку, моим дедом.

И как я должен был поступить в этом случае?

Не говоря уж о всяких рассуждениях о причинно-следственной связи. Может, я сейчас каким-то решением исключу из истории самого себя? Или уже не исключу? Поди знай!

Беру слово:

– Госпожа Мостовская, примите наши соболезнования по поводу смерти вашего мужа, полковника Мостовского. Он погиб на поле брани как герой, и благодарное Отечество этого не забудет.

Ольга, следуя дворцовому протоколу, сделала книксен.

– Благодарю вас, ваше императорское величество!

Киваю.

– О вас хлопотал граф Мостовский.

– Я чрезвычайно ему благодарна за живейшее участие в судьбе моей семьи, государь.

Беру со стола папку с гербом.

– Госпожа Мостовская, по внимательном рассмотрении обстоятельства гибели вашего мужа и с опорой на решение Особой военно-титулярной комиссии, полковнику Мостовскому пожалован титул барона Российской империи, о чем будет сделана соответствующая запись в 5-й части Дворянской книги Московской губернии. Примите, баронесса, высочайшую грамоту на право наследования титула.

Ольга ошалело посмотрела на меня широко распахнутыми голубыми глазами, потом, опомнившись, сделала книксен и, склонив голову, приняла у меня гербовую папку. Я же продолжил:

– Примите также и пожалованный посмертно полковнику Мостовскому орден Святого Архистратига Михаила IV степени.

Приняв от меня коробку с орденом, прабабка спросила нерешительно:

– Низжайше благодарю, ваше императорское величество, но дозволено ли мне будет обратиться с просьбой?

– Слушаю вас, баронесса.

– Могу ли ходатайствовать о высочайшей милости, чтобы моего сына приняли в Звездный лицей?

– Да, баронесса, мы рассмотрели этот вопрос, и барон Мостовский уже зачислен в состав учеников этого лицея в один класс с графом Брасовым.

Ольга бросила на меня быстрый взгляд. Я кивнул.

– Пусть будут рядом. Думаю, что они подружатся.

Тут Ольга Кирилловна осторожно покосилась на Машу, а та, перехватив этот взгляд, холодно проговорила:

– Да, баронесса, я знаю. У нас с государем нет тайн друг от друга, в том числе и тайн личных. Но прошлое осталось в прошлом, не так ли?

Ошеломленная баронесса сделала книксен и склонила голову.

– Да, моя государыня.

– Мальчик знает об этом?

– Нет, моя государыня.

– И вы ему не скажете?

– Нет, моя государыня.

Императрица удовлетворенно кивнула.

– На том и порешим.

Что ж, легко быть великодушной, когда ты царица и прочих земель императрица. Впрочем, тут я категорически не прав, поскольку она легко может испортить всю оставшуюся жизнь кому угодно, включая меня самого, не то что бывшей любовнице мужа. Так что это воистину царская милость, учитывая обстоятельства.

Маша продолжила властно:

– Итак, юный Михаил записан в один класс с Георгием. Надеюсь, они поладят. Имеете ли вы еще просьбы, баронесса?

Я отметил, что Маша принципиально не назвала мальчика ни по титулу, ни по фамилии. Как, впрочем, и Георгия.

Ольга кивнула:

– Да, моя государыня.

– Говорите.

Баронесса обратилась ко мне:

– Ваше императорское величество, могу ли я просить о милости быть зачисленной в авиацию, в состав одного из женских экипажей бомбардировщиков «Илья Муромец»? Страстно хочу бомбить германцев.

Ну, что тут сказать. Это действительно вариант. В моей истории прабабка умерла от испанки в 1918 году, здесь же, может, все пойдет иначе. Да и пока лучше держать Ольгу Кирилловну подальше от Маши, нечего мозолить глаза императрице, которая в любой момент может сменить милость на гнев.

– Хорошо, я прикажу вас включить в личный состав 5-го женского императрицы Марии дальнебомбардировочного полка «Ангелы Богородицы» и присваиваю вам звание зауряд-прапорщика.

– Низжайше благодарю вас, ваше императорское величество!

– Что-то еще?

Ольга, после короткой паузы, ответила:

– Только одна просьба, ваше величество. Если со мной на войне что-то случится, то не оставьте Мишу без внимания.

Киваю.

– Да, конечно.

А Маша ставит точку в аудиенции:

– Воюйте спокойно, баронесса. Мальчик будет под присмотром. Я вам обещаю.

– Благодарю вас, моя государыня.

Глава III

Что скрывает фасад?

Османская империя. Иудея. Иерусалим. 28 августа (10 сентября) 1917 года

Капитан Устинов с интересом посмотрел на собеседника.

– Герр майор, я уважаю вашу твердость, но законы и обычаи войны не считают капитуляцию перед превосходящими силами противника чем-то таким уж вопиющим. Вы же прекрасно понимаете, что сегодня мы возьмем Иерусалим. К чему лишние жертвы?

Майор Вюрт фон Вюртенау презрительно парировал:

– Но ваша 38-я дивизия месяц держалась в окружении под Двинском. Что ж она не капитулировала?

Устинов пожал плечами.

– У них была возможность и была надежда. У вас нет ни того, ни другого. Резня под Вифлеемом ясно показала, что помощи вам ждать неоткуда. Фото плененного генерала Мендеса вы видели. Мы за истекший день получили по воздуху достаточно тяжелых средств для штурма, и днем все будет кончено.

– Откуда такая уверенность?

– Бросьте, майор. Я не блефую, и вы это прекрасно знаете. То, что я прошел через все ваши посты и сижу в вашей комнате, как мне кажется, должно достаточно ярко проиллюстрировать наши возможности. Заметьте, я прошел незамеченным. И ни один ваш часовой не пострадал. Но может быть и иначе. Слишком несопоставим уровень подготовки боевого офицера сил специальных операций Русской императорской армии и разжиревших разленившихся в тылу солдат, которые делают вид, что охраняют склады от воровства со стороны местных.

– И что вы от меня хотите?

– Мы не хотим понапрасну проливать кровь в Святом городе. Но сегодня мы войдем в Иерусалим. В покинутый вами Иерусалим или переступив через ваши бездыханные тела.

– Это просто пустая похвальба! Мы будем сражаться и покажем, как умеют воевать немцы!

Капитан заметил:

– Ну, в этом нет сомнений. Немцы умеют умирать. Гибель «Гебена», «Бреслау», десяти германских линкоров в битве в Моонзундских полях, множество других случаев на суше и на море – все это доказывает, что немцы умеют погибнуть во имя Фатерлянда. Правда, сдача линкора «Гроссер Курфюрст» доказывает, что и капитуляция знакома германцам, не так ли? К тому же доблестных немцев у вас примерно с роту, против двух русских и итальянских бригад, а чего стоят ваши османские союзники, нам очно показала резня у Вифлеема, где за считанные минуты глупо погибла целая конная дивизия.

Германский майор хмуро смотрел на русского офицера.

– Чего вы хотите? Вы же понимаете, что мы не сдадимся, даже если османы разбегутся. Мы дадим бой. Даже если он станет последним для нас.

– Мне кажется, есть лучший выход.

– Какой же?

– Мы входим в город, а вы покидаете его. Без боя. Без капитуляции. С честью. Уступая превосходящей силе.

– Это невозможно. Мы будем сражаться.

Устинов устало покачал головой.

– Герр майор, не будет никакой героической гибели. Наши снайперы уже на местах, и на рассвете, еще до того, как вы успеете добраться до своих позиций, вам и большей части ваших офицеров просто вышибут мозги. Долго ли после вашей глупой гибели будут сражаться ваши солдаты? А те же османы, которые уже только и думают о том, как бы сбежать с поля боя, не так ли?

– Это все блеф.

– Что ж, до рассвета осталось два часа. Ждать уже не так долго. У вас есть возможность проверить мои слова.

– А если я сейчас вызову караул?

– Валяйте. И вы умрете прямо сейчас, не дожидаясь рассвета.

Австро-Венгерская империя. Будапешт. 28 августа (10 сентября) 1917 года

Контр-адмирал Хорти ехал в машине привычным маршрутом и оттого без особого интереса скользил взглядом по спешащим по улицам жителям венгерской столицы.

В сущности, с начала войны в Будапеште мало что изменилось. Сражения полыхали где-то там, в сотнях километров отсюда, и лишь большое количество военных на улицах указывало на то, что война все же идет. Особенно резало глаза немалое количество солдат в германской военной форме, коих тут практически не было раньше.

Адмирал криво усмехнулся. Союзники. В той же Вене германцы контролировали уже почти все ключевые посты и места, явно не доверяя австрийцам. В Будапеште до недавнего времени было полегче, но в последние дни в город стало прибывать все большее количество немецких частей. Якобы транзитом на фронт, но Хорти прекрасно знал, что это лишь предлог.

Операция «Цитадель», в которой ему пришлось участвовать с венгерской стороны, не допускала двоякого толкования – только тотальная мобилизация всех ресурсов, только полное единение управления войсками союзников, только централизация всей полноты власти в руках военной верхушки двух империй могли дать шанс Центральным державам вырвать победу в этой затянувшейся войне.

Фактически в двух державах произошел военный переворот, поскольку и в Германии, и в Двуетоной монархии сами монархи были явочным порядком отстранены не только от управления войсками, но и вообще от управления государством как таковым, довольствуясь ничего не значащими

церемониальными постами далеко от своих столиц. Но тут уж было не до сантиментов и церемоний. На карту было поставлено все.

Хорти был согласен с Гинденбургом и Людендорфом в части того, что потеря Османской империи и измена Болгарии хотя и нанесли тяжелейший удар по союзникам, но все же этот удар не стал смертельным. Как и разгром немецкого флота при Моонзунде, и потеря самим Хорти нескольких австро-венгерских линкоров в Адриатике.

И Германия, и Австро-Венгрия еще были способны воевать и были достаточно далеки от поражения. Минимум еще на полгода ресурсов у них должно хватить, и призрак голода и, как следствие, призрак тотальных беспорядков, по всем прогнозам аналитиков, ожидалось ближе к весне будущего года, когда исчерпаются все запасы продовольствия, а новый урожай еще не взойдет. Были даже совершенно отчаянные предложения пустить на прокорм и посевной фонд, но это означало гарантированный голод уже летом-осенью, поэтому о таких мерах, как о шансе последней надежды, пока рассуждали сугубо теоретически.

Немало вреда нанес неурожай картофеля, что весьма усугубило положение и грозило весьма серьезными проблемами, но, опять же, до начала весны продовольствия должно хватить, пусть и в очень урезанных нормах на человека.

Но было главное – армии Центральных держав все еще были готовы воевать, а время от времени вспыхивающие мятежи все же не носили пока всеобщий характер. На их стороне было преимущество хорошо развитых транспортных сетей и возможность оперативно перебрасывать войска с одного фронта на другой, в то время как их противники хотя и имели численное преимущество, но все же были лишены такой возможности, поскольку растянули свои силы по огромным пространствам, с плохими дорогами и трудными условиями.

Более того, с каждым днем противоречия во вражеском лагере становились все более явными и все более острыми.

Что ж, не зря ведь руководители «Цитадели» считали, что ключ от победы Центральных держав лежит в Москве. Чем больше побед одерживает этот русский царь Михаил, тем больше у него врагов среди союзников. Царь Михаил уже здорово напугал англосаксов по обе стороны Атлантики, и они все меньше заинтересованы в крахе Германии и Австро-Венгрии, явно понимая, что

поднимающемуся на задние лапы русскому медведю нужно в Европе кому-то противостоять.

Так что перспектива объединения всех сил западной цивилизации против русских варваров и прочей примкнувшей к ним мелочи становилась реальнее с каждым днем.

Да и в самой России становится все более беспокойно, слишком резко Михаил заложил руль, слишком велик крен государственной машины, слишком многим новый царь встал поперек дороги. Сохраняя внешнее благополучие, российский корабль уже черпает бортом воду.

Хорти усмехнулся своим мыслям.

Нет, ничего еще не кончено. И болгары еще пожалеют о своем предательстве.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ,

МЫ, МИХАИЛ ВТОРОЙ,

ИМПЕРАТОР

и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,

Царь Польский, Великий Князь Финляндский,

И прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем верным НАШИМ подданным:

Взойдя на Престол Всероссийский, МЫ обещали верным НАШИМ подданным решить ряд важнейших вопросов нашего бытия, общественного развития и основ нашей жизни.

Исполняя обещание НАШЕ, МЫ Высочайше Повелели созвать Съезд аграриев России для решения краеугольного вопроса крестьянской жизни – вопроса земли и упорядоченного пользования нашими пашнями, садами, пастбищами и прочим.

Выбранные обществом делегаты по повелению НАШЕМУ собрались в столице государства НАШЕГО городе Москве 7 сего августа для подготовки положений «Закона о земле в Российской империи», который опирался бы в основе своей на чаяния народные и на благо всей Державы НАШЕЙ.

Съездом аграриев России был подготовлен окончательный документ, который лег в основу Закона и был поддержан большинством делегатов.

Опираясь на указы народных собраний на местах, в армии и на флоте, на мнения и предложения делегатов-аграриев, а также отвечая на общественные чаяния, настоящим Манифестом МЫ Высочайше одобряем «Закон о земле в Российской империи».

Настоящим МЫ Высочайше утверждаем:

1) Вся земля, все недра ее, леса и воды, степи и пастбища, прочие природные богатства, дарованные нам Творцом для прокорма человеческого, являются общественным достоянием и пребывают извечно в коллективной собственности народа НАШЕГО, даруя плоды свои через труды людские и попечение ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО.

2) Земля не может быть никоим образом из всенародной собственности отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая и прочая, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признаются права на справедливую компенсацию, порядок которой определяется Законом, а также право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления

к новым условиям.

3) Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и прочее, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, состоят в исключительной собственности Государства Российского, кое определяет права и порядок распоряжения и пользования ими. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование сельских обывателей, при условии рачительного заведывания ими местными органами самоуправления.

4) Земельные участки с высококультурными хозяйствами: садами, плантациями, рассадниками, питомниками, оранжереями и прочими товарными сельскохозяйственными угодьями, не подлежат разделу и используется под особым надзором, в порядке, оговоренном Законом.

Не подлежат конфискации земли сельских общин и товариществ, а также земли простых казаков и крестьян, как и земли иных сельских владельцев в размерах, не превышающих установленной на данной территории подушной нормы.

Усадебная городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяются Законом.

5) Право пользования землей получают все подданные (без различия пола) Российской империи, желающие обрабатывать ее своим трудом, силами своей семьи или в товариществе. Наём работников землепользователем возможен только для временных срочных работ по севу или уборке урожая.

Пользователь земли несет бремя её содержания обработки, а также подати, устанавливаемые государством и местным самоуправлением.

6) Формы пользования землею в сельских общинах избираются исходя из местных условий и особенностей: подворная, хуторская, общинная, товарищеская, артельная.

7) Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные органы самоуправления, начиная от бессловных сельских и городских общин и кончая центральными, губернскими/областными учреждениями.

Размер надела при этом не может быть большим или меньшим, чем установлено Законом и органами народного самоуправления данной местности. Герои и участники Великой войны имеют право на увеличенные участки и льготы, за соблюдением коих следит МВД и Фронтное братство.

Эти и прочие особенности пользования и распределения земли определяются Законом.

8) Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения нужд всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., берёт на себя государство, сельское общество обеспечивает переселенцев продовольствием не менее чем на 40 дней.

Переселение производится в следующем порядке: желающие ветераны и безземельные крестьяне, затем прочие желающие члены общины и, наконец, по жребию, либо по решению сельской общины. Дезертиры и виновные в порче или краже имущества отселяются государством вместе с семьями в административном порядке.

9) Земля признается всенародной с момента подписания сего Манифеста. Какая бы то ни была порча имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым судом. Уездные земства и начальники, вместе с МВД, Фронтовым братством и Корпусом служения создают местные земельные комитеты, вместе с которыми принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при обобществлении земель и имений, для определения размеров и особенностей участков, подлежащих обобществлению, для составления точной описи всего обобществляемого имущества и для строжайшей охраны всего переходящего к народу хозяйства. До справедливого перераспределения земли владевшие ею ранее осуществляют пользование ею под надзором Земельных комитетов в порядке, установленном Законом.

10) Во исполнение данного Манифеста, до конца 1917 г. принимаются все необходимые законы, акты и прочие разъяснения. До мая 1918 г. местные земельные комитеты проводят полный учет земли, а в дальнейшем организуют

её распределение в соответствии с данным Манифестом и Законом.

Москва. Кремль. Дом империи. 28 августа (10 сентября) 1917 года

Я слушал Суворина. Суворин в цветах и красках расписывал применяемые рекламно-пропагандистские стратегии продвижения в массы темы заботы царя-батюшки о верных своих подданных в контексте принятого Манифеста. Причем, как и полагалось, стратегии эти были ориентированы на разные целевые аудитории, использовали разные каналы продвижения, несли в себе цепляющие якоря, стоп-слова и прочие глубинные послы, которые должны быть близки той или иной группе потребителей...

Иной раз я снова чувствовал себя в своем московском офисе лет сто тому вперед, когда мои службы докладывали мне о своих ходах в битве за медиарынок и за рейтинг в прайм-тайм. И про тому подобное прочее. И ловил себя периодически на мысли о том, что пройдоха Суворин прекрасно устроился бы и в третьем тысячелетии, не говоря уж о времени нынешнем, в котором, по существу, ему и не было серьезных конкурентов. Ну, кроме меня, разумеется. Но я на хлеб его и не претендовал. Наоборот, ненавязчиво подсказывал новые ходы и идеи, задавая в нужное время нужные вопросы, которые заставляли его удивленно смотреть на меня и лихорадочно искать ответ.

И, конечно же, я давал деньги. Обширнейшее финансирование, в том числе на закупку требуемого оборудования для печатного, визуального и устного слова во всех их проявлениях.

В общем, мы готовились. Крепко готовились. Так, подготовке информационно-пропагандистского сопровождения местного варианта Декрета о земле были посвящены не одно совещание и не один месяц скрытой от лишних глаз и ушей работы. И не только в сфере пропаганды. И не только Сувориним.

Была проведена очень большая работа и по подбору и отсеvu кадров, по выдвижению вперед нужных людей, идей и потребностей исторического момента. И, как я любил в прежней жизни, в этот раз нам вновь удалось дать собравшимся на всякие там дебаты, съезды и прочие поместные соборы провести очень горячие дискуссии (вплоть до физического насилия, переходящего в откровенный мордобой) и фактически подвести их к

подготовленному нами заранее решению, которое было принято ими как компромиссное, единственно возможное и выстраданное лично каждым из них.

Да, не спору, это обычное дело. В опытных руках аппаратчика. А как иначе может быть? У кого это как-то иначе устроено, тот идет, солнцем палимый, к лесу гонимый, подальше от ключевых позиций. Вовсе нехитрое дело заставить кого-то принять навязанное силой решение, но ведь это ошибка. Это ОНИ должны САМИ принять нужное именно ТЕБЕ решение. САМИ. И горячо уговаривать тебя согласиться с ИХ решением, давая согласие идти со своей стороны на уступки и компромиссы, лишь бы ТЫ согласился. И быть чрезвычайно довольными тем, что ОНИ УГОВОРИЛИ ТЕБЯ. Как это и было с моим согласием на учреждение Конституции в обмен на самороспуск парламента и фактический возврат к неограниченной самодержавной власти, пусть и на короткий период «войны и чрезвычайной ситуации».

В этом суть большой игры. Иного и быть не может.

Но ведь не просто так Кутепов обзавелся приставкой «граф» перед своей фамилией, верно ведь? Равно как и премьер-министр Маниковский, да и сам Суворин. Тем более что общественное мнение (и мнение самих делегатов) мы начали готовить сильно заранее, формируя не только повестку дня и обозначая единственно возможные варианты решения.

Десятки и сотни репортажей о всякого рода собраниях, на которых выдвигались делегаты в Москву, освещались обсуждения и прочие наказания. И что ж тут поделывать, если некоторые наказания были в нашей прессе чуть более наказистыми, чем другие? Что поделывать, если мнение начали формировать в низах еще до всяких там собраний, а делегаты выбирались стихийно лишь с точки зрения неискушенного наблюдателя, и что в Москве каждый из них не был предоставлен самому себе, а был взят во вдумчивый, хоть и ненавязчивый оборот? Фронтное братство, Корпус служения и Министерство информации ведь не просто так создавались на этом свете!

– Благодарю вас, Борис Алексеевич.

Граф Суворин склонил голову и, увидев мое дозволение, сел на место.

– Что у нас с настроениями и общественным порядком?

Министр внутренних дел Анциферов поднялся для доклада.

– Ваше императорское величество! На улицах столиц и крупных городов сохраняется порядок и проявлений массового недовольства не отмечено. По имеющимся у Департамента полиции сведениям, общественные настроения можно охарактеризовать как достаточно возбужденные, хотя имеются лишь несколько случаев открытого осуждения отдельных положений Манифеста о земле. По отдельным случаям приняты меры, остальные пока находятся под нашим наблюдением. В деревне большей частью царит ликование, хотя отмечены несколько случаев попыток начать передел земли явочным порядком. Законность восстановлена, но подразделения внутренней стражи могут понадобиться при увеличении числа подобных поползновений.

Хмурюсь.

– Такие случаи, Николай Николаевич, нужно незамедлительно и со всей решительностью пресекать! Мы не можем допустить стихийного передела земли. Если ситуация выйдет из-под контроля, то без применения силы будет обойтись совершенно невозможно, а это, как вы сами понимаете, может привести к тому, что Россия полыхнет изнутри, а солдаты побегут с фронта, спеша принять участие в переделе.

Обращаюсь к Суворину:

– Борис Алексеевич, нужно усилить разъяснительную работу в деревне. Направьте ваших агитаторов из Корпуса служения в проблемные районы и давайте свои предложения по исправлению ситуации.

– Сделаем, ваше величество.

Когда Суворин сел, я обратился к командующему Отдельного корпуса жандармов генералу Курлову:

– Павел Григорьевич, что по вашему ведомству?

– Государь! ОКЖ отслеживает ситуацию в России в целом и в особенности ситуацию в крупных городах империи. В целом реакция довольно

благожелательная. Разумеется, по различным сословиям и группам населения она имеет свои особенности. Так, среди так называемой интеллигенции наблюдается определенный душевный подъем, сходный с тем, какой был отмечен в дни после провозглашения вашим величеством Конституции в России или провозглашенным вашим царственным братом Манифеста 17 октября. Отдельно мы отслеживаем настроения среди лидеров общественного мнения, активистов движений и политических партий, деятельность которых приостановлена вашим величеством до конца войны. Более подробная информация об настроениях и темах обсуждения будет мной представлена на высочайшее имя сегодня после окончания данного совещания. Отдельно хотел бы обратить внимание на настроения в среде землевладельцев. Имеется ряд недовольных, отмечены отдельные попытки придать недовольству организованный характер. Все случаи находятся в разработке для выявления круга общения и возможных связей.

– Чем недовольны в основном?

– Данной земельной реформой в целом, тем, что ваше величество уступили, как они выражаются, давлению мужичья, тем, что вместо верных выкупных денег им навязали облигации тридцатилетнего «Земельного займа», тем, что земли, находящиеся в залоге, фактически конфискуются государством, поскольку возможностей погасить кредиты почти ни у кого из землевладельцев нет.

– Алексей Алексеевич, как ваша встреча с крупными землевладельцами?

Председатель Совета министров граф Маниковский поднялся с места.

– Государь! Лично мной проведено четыре круглых стола с крупными землевладельцами. Также встречи проводили министр земельных и природных ресурсов господин Кофод, министр торговли и промышленности господин Шаховской, при участии главы Высочайшего Следственного комитета генерала Батюшина и командующего ОКЖ генерала Курлова, руководителей Дворянского земельного банка, Крестьянского банка и Имперского банка развития. Всем присутствующим были доведены сведения о настроениях в армии и в деревне, о рисках выхода ситуации из-под контроля и ограниченной возможности государства удержать ситуацию под контролем. О том, что миллионы мужиков нынче держат в руках оружие, которое может быть обращено вовнутрь государства, и тогда все собравшиеся лишатся всего, а многие из них и жизни...

Морщусь.

– Алексей Алексеевич, это я все знаю. Давайте по существу. Что, по-вашему, дает почву для недовольства землевладельцев? Мы им и так дали слишком многое.

– Да, это так, государь. Но любой слом привычного образа жизни воспринимается болезненно. К тому же, действительно, немало тех, кто фактически ничего не получит, поскольку заложенная в банке земля, при невозможности вернуть средства, будет обращена в пользу государства безо всякой компенсации. А таковых землевладельцев весьма значительный процент. Кроме того, 5 % доходности по облигациям хотя и равняются их нынешним доходам с этих участков, но рассчитаны из рыночной стоимости земли на данный момент, а, во-первых, земля дорожает, во-вторых, инфляция съедает фактическую стоимость облигаций, обесценивая их, и через тридцать лет выплаты по облигациям могут превратиться с сугубо символические суммы. Немало недовольных привязкой стоимости облигаций к ассигнациям и отказом государства номинировать их стоимость в золоте. А возможность обмена облигаций на земельные участки под промышленную застройку, строительство железных дорог и разработку полезных ископаемых обставлена ограничениями в виде конкурсов и необходимости подачи проектов в Имперское агентство по развитию. Многих это пугает. В том числе и тем, что придется строить только то, что предписано утвержденным планом, да еще и в установленные сроки. А если сроки и график строительства сорвать, то государство вправе конфисковать землю безо всякой компенсации.

Этот факт действительно имел место. Все было крайне непросто. Причем для всех слоев и участников процесса земельного передела.

Да, земля не была нами просто конфискована и национализирована, но и компенсацию землевладельцы получили «справедливую», хотя и отнюдь не такую жирную, как многим хотелось. А надеялись они на нечто схожее с реформой по отмене крепостного права в 1861 году, когда помещики получили все сливки, а крестьяне остались должны в буквальном смысле по гробовую доску, выплачивая выкупные платежи на протяжении последующего полувека.

Разумеется, на такое я дать согласие не мог. И будь я на месте деда, Александра II, я на такое согласие и не дал бы. Это было самоубийственным для России решением. Крестьяне за реформу платить были не должны. Во всяком случае,

напрямую. Это проблема государства, которое довело ситуацию до критического уровня, за которым уже наступала катастрофа.

Но и изымать землю было очень опасным решением. Большевики могли так поступить, а я не мог. Есть определенные правила игры, которые власть в стране должна соблюдать, если не хочет немедленной гражданской войны или смуты. Или как минимум соблюдать видимость таких правил игры.

Равно как я не мог согласиться на прямой выкуп «национализируемой» земли у землевладельцев. Во-первых, таких денег в казне просто не было. Во-вторых, соглашаться на отсрочку выкупа в виде привязки облигаций к золоту я также не собирался, поскольку это подвешивало дамоклов меч над всей экономикой страны, которая и так должна всем, как та земля колхозу. А так, действительно, часть стоимости съест инфляция, причем часть весьма значительную, в этом можно было не сомневаться.

Но вся фишка затеи была в том, чтобы стимулировать держателей облигаций «Земельного займа» обменивать их стоимость на земли промышленного, транспортного или сырьевого назначения, что позволяло нам в короткие сроки существенно уменьшить число держателей облигаций, вернув их деньги и энергию в экономику. Ведь облигации менялись на землю не просто так. Во-первых, по принятому коэффициенту обмена для каждого конкретного случая, вида земли и местности, и отнюдь не 1 к 1. Во-вторых, выделение земли осуществлялось под конкретный проект, который еще требовалось утвердить в Агентстве по развитию, и либо вложить в проект собственные средства, либо получить льготный целевой кредит в Банке развития. Таким образом я старался перенаправить в промышленное и транспортное развитие страны энергию массы людей, которые лишились своей земли в обмен на фантики «Земельного займа».

Понятно, что это смогут сделать далеко не все. Одно дело, заложить свою землю в банк и уехать шиковать в Ниццу, уповая на то, что царь-батюшка в очередной раз простит своим помещикам все долги, а совсем другое – включиться в рыночные механизмы и зарабатывать деньги, вкладывая их в те или иные проекты, интересные государству и обществу.

Но я ничем не могу помочь тем бывшим помещикам, кто вообще ни на что не способен. И не хочу. Бог подаст. Сорняки надо выпалывать.

Кроме того, через механизм проектов и льготных кредитов я имел возможность держать в узде всю эту братию, обеспечивая «зеленую улицу» одним и ставя палки в колеса недовольным смутьянам. Лояльность к власти всегда и везде дорого стоит. Как и близость к ней.

Впрочем, и многих крестьян ждало некоторое разочарование. Все же мой Манифест, при всей внешней схожести риторики, существенно отличался от ленинского варианта Декрета о земле. Хотя бы тем, что «взять все, да и поделить» я никому не дам.

Нет, формально требования крестьянской общественности были полностью соблюдены, ведь частная собственность на землю была отменена, крупные наделы были переданы под земельный передел, были установлены минимальные и максимальные наделы земли на крестьянина, а фронтовики и прочие герои, как я им и обещал, получили значительные льготы и преимущества при разделе участков.

Даже возможность найма работников была ограничена сезонными работами.

Все это так. Но, как всегда, ищите подробности в мелочах.

Например, под раздел категорически не попали крупные хозяйства, которые являются основными поставщиками продукции в «закрома Родины». Разорвать на куски эффективно работающую инфраструктуру и хозяйство – это не самая разумная идея, как по мне. Нет, конечно, оставить все как есть было решительно невозможно, но совместными усилиями мы нашли выход из этой коллизии, да так, что земля таковых хозяйств действительно подпадала под национализацию. А нюанс был в том, что бывший владелец этой земли получал свою пачку облигаций и, согласившись с нашим предложением, обретал не только приоритетное право пристроить эти облигации в дело, но и возможность начать новый успешный этап своей жизни. Таким успешным хозяйственникам мы предлагали должность директора «государственного народного агропредприятия», в которое преобразовывалось его же бывшее хозяйство. С выплатой хороших процентов от результата. Либо, как вариант, такие хозяйственники становились собственниками конно-машинных станций, благо национализация касалась лишь сельскохозяйственной земли, но не касалась ни его недвижимости, ни движимого имущества, включая технику и прочий инвентарь. Причем тем, кто соглашался перепрофилироваться под создание КТС, бумажки облигаций также конвертировались в материальные ценности в

приоритетном порядке.

Некоторые, кстати, соглашались быть директором ГНАП и одновременно организовывали КТС, намереваясь еще и оказывать услуги соседям. Да и не могли многие просто взять и бросить дело всей своей жизни, ведь жизненный успех далеко не всегда был результатом лишь почивания на лаврах за счет удачного наследства от предков. Многие были настоящими подвижниками, болевшими душой за свои поля и сады, за то, что создавали их отцы и деды. Как я могу таких людей тупо изгнать в Париж? Тем более что бегут к нам сейчас из Франции, а не наоборот.

Отдельно замечу, что, провозгласив о том, что «формы пользования землею в сельских общинах избираются исходя из местных условий и особенностей: подворная, хуторская, общинная, товарищеская, артельная», мы ускорили распад допотопного общинного метода хозяйствования. Во-первых, льготные кредиты на закупку техники и прочего банки будут давать только агропредприятиям – артелям, кооперативам, товариществам, но не отдельным крестьянам или абстрактным их общинам, стимулируя таким образом разделение функций общины на функции местного самоуправления в виде сельсовета и функции коммерческого агрохозяйства.

Мне нужно было укрупнение на селе и повышение эффективности работы, а добиться этого с помощью мелких нищих хозяйств или общин, которые не могут прокормить даже сами себя, было решительно невозможно. Как и невозможно обеспечить механизацию деревни.

Конечно, установив не только максимальный разрешенный размер надела, но минимальное его значение, мы не только заботились о крестьянине и о его возможности прокормиться с этого участка. Нам нужен был механизм массового переселения из деревни масс народа, в том числе и механизм принудительного переселения. Что-то такое пытались делать и при Столыпине, но у нас были совершенно иные масштабы и подходы.

И избежать принудительного переселения можно было лишь двумя путями: либо добровольно выбрать место переселения, либо завербоваться по программе Минслужения на стройки народного хозяйства или на заводы с фабриками.

А учитывая, что в любой общине постараются в первую очередь избавиться от самых нерадивых работников и прочих горлопанов, то я надеялся и на некоторое оздоровление атмосферы в деревне. Кроме того, устроив передел земли и заложив всякие плюшки фронтовикам, я собирался использовать их против «тыловых крыс» в деле наведения порядка и подавления всяческих проявлений недовольства в деревне.

– Такие панические настроения среди крупных землевладельцев?

– Нет, государь, с ними вроде как нам удалось прийти к взаимопониманию, тем более что многие из них проявляют интерес к вложению своих капиталов в промышленность, в том числе через получение земли под строительство новых предприятий, которые массово будут строиться в России в ближайшее время. И, разумеется, заинтересованы в покупке акций данных предприятий. Есть и такие, кто в высшей степени заинтересован в доступе на рынок Ромеи и в создании там своих торговых представительств и производств.

Делаю неопределенный жест.

– Ну, это мы можем обсудить. Так все же, кто мутит воду?

– В основном те, кто по факту лишится заложенной в банке земли и останется ни с чем. А таких немало.

– Среди этой публики есть толковые люди?

Маниковский пожал плечами.

– Не могу ответить, государь. Их слишком много. Возможно, и есть, но вряд ли их большой процент. Есть те, кто служит в армии или на госслужбе, но в основном бузят те, кто никогда не занимался никакой коммерцией и жил лишь тем, что имел со своей земли, либо сдавая ее в аренду, либо закладывая в банк, либо то и другое.

– Понятно. Вот тех, кто верно служит Отечеству, нужно как-то уважить. Жду ваших предложений.

– Слушаюсь, ваше величество!

– Павел Григорьевич, вы можете держать остальную эту публику под контролем, не допуская серьезных заговоров?

Командующий ОКЖ генерал Курлов поднялся и оправил мундир.

– Думаю, да, государь. Они разрознены, денег у них не так много. Я бы скорее опасался, что крупная рыба может через них попытаться нанести удар.

Помолчав несколько мгновений, заключаю:

– Что ж, тогда следите за ними. И за теми, кто попытается через них ударить. И при малейшем намеке на попытку потрепаться о заговоре берите всех. Устройте несколько показательных процессов с самыми жесткими публичными карами. Нам нужно жестко напугать эту публику, да так, чтобы они мочили штанишки только от одной мысли о крамоле. Никакой жалости. Всех под нож истории. Вы меня понимаете?

– Да, государь!

Османская империя. Иудея. Иерусалим. 28 августа (10 сентября) 1917 года

Майор Вюрт фон Вюртенау смотрел, как последние из его подчиненных выходят из ворот Святого города. Они выходили при полном вооружении и даже с обозом, который русские любезно разрешили им взять с собой.

– Как видите, герр майор, мы люди слова, и вы забрали все, что хотели, и все, что могли увезти с собой. Вы поступили очень мудро, отказавшись от сопротивления и избавив своих людей от верной гибели.

Немец покосился на самодовольного русского офицера. Знал бы этот Устинофф о том, что он, фон Вюртенау, ни на секунду не колебался и был готов умереть сегодня утром. Как и многие его солдаты. Но приказ из Берлина был однозначным – Иерусалим срочно сдать русским до подхода британских сил.

Он мог лишь гадать, чем было вызвано столь странное решение.

Очевидно, тут замешана какая-то политика из высших сфер, которая недоступна для понимания простому тыловому майору, пусть и с благородной приставкой «фон» перед его древней фамилией.

Москва. Кремль. Дом империи. 28 августа (10 сентября) 1917 года

Я отыскал Машу в библиотеке и с удивлением увидел, что она обложилась всякого рода путеводителями и справочниками по Италии и по югу Франции.

– По Италии соскучилась, солнышко?

Царица подняла голову и лукаво улыбнулась.

– Ну... как война эта закончится, я бы, конечно, съездила туда. С официальным визитом.

Чмокаю ее в губы и усаживаюсь в кресло напротив.

– Понимаю. Вероятно, будет презабавным это ощущение – вернуться в Рим, уже будучи императрицей двух других Римов.

Кивает.

– Ну, и это тоже. Но, как ты сам понимаешь, не это главное. Кем я оттуда уезжала? Вот если объективно смотреть на вещи? Пусть высокогородной, но все же барышней, которая отправлялась в далекую столицу покорять ее и сердце будущего мужа, так ведь?

– Ну, вероятно. Не смотрел на это под таким углом.

Маша рассмеялась и погрозила мне пальчиком.

– Врунишка, все ты отлично понимаешь. Но я не об этом. Я прекрасно знаю, насколько я популярна сейчас в Италии, после всего, что произошло. И я хочу

обратить эту популярность в те реформы, которые необходимы моей исторической родине. Солидарность, служение, освобождение – эти идеи уже набирают популярность в Италии, так почему бы не помочь?

– Это да, дуче вполне оценит.

Удивленный взгляд:

– Вождь?

Делаю небрежный жест.

– Неважно пока. Крутится в голове что-то не оформившееся. Какой-то обрывок похожего сна. – Киваю на путеводители: – Так вот для чего ты смотришь эти справочники!

– Нет.

Я запнулся.

– Объяснись, солнце мое.

Маша рассмеялась.

– Нет-нет, для этого мне не нужны справочники и путеводители. Те места я знаю великолепно, и мне для визита не нужны подсказки. Я просто готовлюсь к завтрашнему совещанию с Минспасом и с его новым Управлением по оздоровлению и профилактике.

Заметив мой удивленный взгляд, императрица поясняет:

– Да, я понимаю, что мы готовимся к пандемии этой твоей «американки». Но ведь это не единственная наша забота, верно?

Киваю. Жена продолжает:

– Так вот, если мы сейчас вербуем во Франции врачей, инженеров и техников, почему мы упускаем из виду другую категорию, которая может быть полезна нам здесь? Тем более что многие из этих людей сейчас, так или иначе, либо в Италии, либо под контролем итальянских войск. Вижу, что ты все еще не понял.

– Уверен, что ты сейчас все пояснишь.

– Конечно. До войны огромные деньги вывозились из России на всякого рода средиземноморские курорты. Италия, Ницца, Лазурный берег и прочие прекрасные места, где русская знать и прочие состоятельные люди оставляли свои богатства. Но ведь у нас сейчас есть собственный выход в Средиземное море, не так ли? Да еще и побережье Антиохии к тому же. Почему не вложить деньги в создание всей необходимой курортной инфраструктуры? Причем инфраструктуры на самый разный кошелек и достаток, ведь у нас появилась огромная береговая линия в Средиземном, Мраморном и Черном морях!

Хмыкаю. Вот уж действительно.

– И ты предлагаешь...

– Перекупить французских и итальянских специалистов, которые занимались организацией подобного отдыха на курортах. Думаю, что года два на организацию всего у нас есть. Нужно принять программу развития курортной сферы, наметить места для создания всякого рода санаториев с целебными водами и прочим. Наверняка в наших новых землях можно найти что-то подобное. Кроме того, насколько я могу судить по Италии, всяческие исторические места вызывают интерес у путешественников. Понятно, что там многотысячелетние руины Древнего Рима, но ведь и Малая Азия полна древних развалин! Одна Троя чего стоит! Рима тогда и в помине не было!

Тут за окном что-то бабахнуло.

Маша обеспокоенно бросила взгляд в окно.

– Что это?

Улыбаюсь.

– Десять вечера. Праздничный салют в честь взятия Иерусалима. Забыла?

Девушка грустно улыбнулась.

– Ох, совсем тут засиделась! – и добавила, надув губки: – А я хотела посмотреть, между прочим!

Протягиваю жене ладонь.

– Так ничего не потеряно, я все предусмотрел. Из окон второго этажа библиотеки видна Красная площадь и сам фейерверк. Всего лишь несколько ступенек по лестнице вверх. Пойдем, любовь моя, я покажу тебе праздник по случаю нашей славной победы.

Глава IV

Начало новой игры

Крым. Ялта. Ливадийский дворец. 29 августа (11 сентября) 1917 года

– Твой брат – опасный сумасшедший!

Николай промолчал, продолжая толкать пред собой инвалидную коляску. Аликс же привычно распалялась, причем с каждой минутой все больше и больше.

– Ты посмотри, во что он превратил нашу благословенную Россию! Просто никаких сил нет вот это видеть!

Великий князь окинул взглядом идеально подстриженные кусты и деревья парка, но счел за лучшее промолчать, прекрасно понимая, что сказано это было вовсе не о прекрасной природе Ливадии.

– Все то, что ты десятилетиями пестовал, все, что досталось тебе от предков, все пошло прахом! Он опошил само понятие дворянства! «Служение!» «Освобождение!» А этот его, прости Господи, Манифест о земле? Это же ужас. Ужас! А флаги эти мерзкие! Это же надо – объявить в России красный флаг, словно то мятежное отрепье победило! Чернь при власти! Немыслимо!

Бывший самодержец вновь не стал что-то говорить. Такие сцены уже стали рутиной, и великий князь не считал необходимым еще один, совсем уж бессмысленный раз обсуждать с ней происходящее. Тем более что он прекрасно себе представлял все те аргументы, которые она выплеснет ему на голову при первой же попытке возразить. Собственно, а во имя чего нарываться на глупый спор? Тем более с женой. Что это изменит-то?

Аликс меж тем привычно заводилась все больше и больше, накручивая себя все новыми аргументами и доводами.

– Он оттолкнул от себя просто-таки всех достойных людей! Всех, на ком держалась Россия! А эта его выскочка итальянская! Что она возомнила о себе! Какая из нее императрица?! Ей куклами играть нужно, а не государством! Куклами!!! «Благословенная Мария»!!! Даже я такого не могла себе вообразить!!!

Она сорвалась на крик, и Николай устало заметил:

– Тише. В здешнем парке даже деревья имеют уши.

Но Ники лишь раззадорил жену своим замечанием.

– А кто мне может запретить говорить?! Она? Эта выскочка на российском троне?!!

Продолжая толкать коляску с женой, бывший монарх резонно возразил:

– Аликс, будь благоразумна. Она никакая не выскочка, а знатная особа наивысшей пробы из тысячелетнего царствующего дома. Принцесса Иоланда Савойская, старшая дочь короля Италии, – достойнейший вариант супруги для российского монарха.

Бывшая императрица резко обернулась в кресле.

– Ты это на что намекаешь?!

– Ни. На. Что.

– Правда?! Ладно, оставим это. Пока. Мы еще поговорим и об этом. Но чем она лучше? Чем лучше эта кукольная девочка итальянская?

Николай не спешил с ответом, ясно понимая, на какой зыбкий лед он вступает и каким грандиознейшим скандалом это все может обернуться.

– Она тут вообще ни при чем. Мы как бы то ни было, в общем-то, отнюдь не о ней сейчас говорим.

Но бывшая царица не собиралась отступить и зло прошипела:

– Кукла итальянская!

– Аликс, помилосердствуй! Говори тише!

– А то что? Она осерчает?! Или братец твой непутевый? Или прибегут сейчас жандармы и начнут нас вязать?!

Великий князь покосился на аккуратно подстриженную парковую зелень так, словно и вправду ожидал увидеть там отряд в синих мундирах ОКЖ. Понятно, что отряд где-то там, но он охраняет периметр дворцового парка, да и сам Ливадийский дворец. А в кустах если кто и есть, то он не станет себя обнаруживать. Но все же положение бывшей августейшей семьи было, мягко говоря, не совсем однозначным. Да и к чему дразнить гусей? Пусть Михаил сейчас занят куда более важными делами, чем судьба бывшей монаршей семьи, но все же...

– Аликс, дорогая, не забывай, что именно твои неосторожные речи в Москве и Петрограде и стали причиной нашего нахождения здесь.

Бывшая царица яростно вскинулась в кресле.

– Да что ты такое говоришь, Ники?! Это, значит, я во всем виновата? А не твое ли отречение стало всему этому причиной, а?

– Император – помазанник Божий. Значит, Господу так было угодно.

Прозвучало не очень убедительно, и Аликс тут же воспользовалась этим.

– Не бывает бывших помазанников Божьих, помни это! Ты был не в себе и уступил давлению брата и обстоятельств! Но это лишь испытание, которое послано тебе и всей России! Каждое скандальное повеление твоего брата лишь приближает тот день, когда ты вновь будешь призван на царство!

Николай потер переносицу. Сказать, что происходящее тяготило бывшего самодержца, это ничего не сказать. Он с болью смотрел на то, что творит с Россией его, теперь уже царственный, брат. Нет, успехи Михаила Второго были очевидны. Громкие победы, которые, безусловно, нельзя отрицать. Но то, что происходило внутри империи, пугало Николая все больше и больше с каждым днем. Тысячелетний уклад, проверенный временем привычный взгляд на мироустройство, сама суть России, все это рушилось, прямо на глазах распадаясь на не связанные друг с другом части. Дворянство – тот стеновой хребет, который всегда был опорой государства и самодержавия, позволявший сохранить основы основ при любых потрясениях, вдруг сам заколебался в вихре происходящего в стране. Да что там дворянство! Многие вокруг изменялось до полной неузнаваемости!

И каждый раз Ники казалось, что вот-вот, еще одно необдуманное решение брата, и все рухнет, все пойдет вразнос, о чем постоянно твердила ему Аликс. Но нет, каждый раз все самым чудесным образом разрешалось само собой, и Михаил вновь оказывался удачливее, чем можно было предположить.

Казни членов императорской фамилии и виднейших представителей элиты империи? По мнению многих, в том числе и самого Николая, они неизбежно должны были привести к скорейшему дворцовому перевороту, поскольку никто из элит не мог простить такого даже монарху! И ничего, проглотили. Сделали вид, что так и должно быть.

Фактический возврат к абсолютизму, лишь прикрытому фиговым листком недействующей конституции? В прежние времена это взорвало бы общественное спокойствие и обратило бы Россию в череду кровавых выступлений, куда более тяжких, чем смута 1905–1907 годов. Но и тут Михаил вышел сухим из воды, а этот его писака Суворин преподнес это как величайшее завоевание демократии и народовластия!

Эта комедия со «служением» и закон, по которому все дворянство, включая (слыханное ли дело!) и женщин, должно было десятилетиями (!) служить государству под угрозой немедленного лишения дворянства! Почти не было исключений ни для кого, поскольку служить должны были все дворяне, вне зависимости от древности рода и знатности. Исключения не делались ни для многочисленных потомков Рюрика, ни для нынешних членов императорской фамилии. Точнее, исключение было лишь одно – семья самого Николая находилась под «охраной» и, находясь на «отдыхе», не имела права покидать имение.

Или хотя бы вспомнить про то, как нынешний император поставил на место богатейших промышленников и купцов России? Николай никак не ожидал, что те так просто простят Михаилу ночные аресты и допросы в Высочайшей Следственной комиссии, куда их, уважаемых людей, буквально волоком тащили жандармы сквозь грозовую ночь «для дачи пояснений». Все после этого были уверены, что дни нового монарха сочтены. Но нет!

А Манифест о земле! Михаил фактически ограбил огромное количество землевладельцев, всегда бывших основой и опорой государства. И вновь ничего!

Оставалось лишь хмуро процидуть, сквозь едва шевелящиеся губы, прикрыв их рукой:

– Говори тише, будь добра. Возможно, участь повешенных на Болотной площади нам не грозит, но вряд ли Михаилу понравится доклад о том, что мы с тобой обсуждаем мятеж.

Но Аликс это лишь еще больше раззадорило:

– Мятеж? Какой это мятеж?! Это восстановление божественной справедливости! Корона – твоя! Он украл у тебя все заслуги!

Николай устало покачал головой:

– Нет-нет, Аликс. Господь определенно на его стороне. Вспомни все победы этого года. Он, возможно, очень удачлив, этого у него не отнять, но и без божественного благословения здесь вряд ли обошлось. В жизни так не бывает.

– Вот именно! Не бывает! Это все твои заслуги, как ты не понимаешь?! Твои!!! Завоевание Константинополя? А разве это не твои планы, которые ты готовил много лет?! Кто там отличился? Черноморская дивизия? А не ты ли ее создавал? Черноморский флот? Авиаматки? Не твои ли это все детища? Если бы не они, твои недруги, то ты бы завоевал Константинополь уже в мае! В августе твои войска уже бы маршировали по Берлину!

– Но Моонзунд...

– А что такое Моонзунд?! Михаил твой тут при чем? Он что – флотоводец?! Он – кавалерист! К тому же мы сами знаем, как воюют знатные особы!

Бывший самодержец возразил:

– Ну, тут ты не права. Он воевал без дураков. Я сам его постоянно осаживал.

– Ты веришь лишь отчетам! Откуда ты знаешь, как он воевал? Да и имеет ли это какое-то значение? Ну, кроме того, что этот выскочка Суворин смог создать образ царя-полководца! Подумать только – «командовал сражением при Моонзунде!» Как же он именно командовал, а? Сидел в бункере в Риге? В то время, когда покойный Эбергард командовал флотом и сражением?! Как удобно украсть славу у покойника! Он-то уже не может возразить!

Ники промолчал, а воодушевленная Аликс продолжила нагнетать:

– У тебя украли все – корону, империю, будущее. Что будет с нами? С Алексеем? С девочками? Ответь мне!

Николай лишь скрипнул зубами. Фактический арест. Он видел, как страдает Аликс, как томятся и как растеряны дочери, в одночасье превратившиеся из блистательных высокородных невест в обитательниц чумного барака, который

окружающие стараются обходить десятой дорогой. Как постоянно, и с каким-то ошеломлением, улыбается Алексей, пытаюсь скрыть от окружающих свои страхи. Ведь он не может не понимать всю опасность своего положения и насколько он сам является опасностью для сестер и всей семьи. Претендент на трон, который уже становился (пусть и невольно) знаменем мятежа, является угрозой для любого монарха, какое бы имя он ни носил и в каком веке бы ни жил. И увидев в руках сына томик «Государя» Никколо Макиавелли, Николай внутренне содрогнулся, представив то, что чувствует сын, читая многочисленные примеры того, как беспощадно устраняли возможных претендентов на корону. Устраняли часто вместе с семьями и вырезали целыми родами.

Конечно, никто не знает, что ждало бы их, если бы Ники не отрекся бы тогда от престола. Михаил тогда долго и цветасто рассказывал о планах заговорщиков убить всю августейшую семью и всех членов императорской фамилии. Но кто сказал, что это были не воспаленные фантазии брата? И вот теперь сам Михаил держит нити их жизней и судеб в своих руках.

Неопределенность томила, а страх все больше охватывал их души в ожидании того рокового мига, который может наступить в любой момент, когда император сочтет их слишком опасными. И что тогда? Как он обставит их гибель? Ведь вряд ли его прельщает слава Бориса Годунова, якобы приказавшего убить малолетнего Дмитрия! Кто поверит в то, что император ни при чем? Или их обвинят в каком-нибудь мифическом заговоре? После которого лишение титулов и ссылка в Сибирь будет самым мягким наказанием. Возможно, девочек Михаил и пощадит, но какая судьба ждет их после этого? Незавидная участь.

– Ники, подумай о наших детях!

Николай покачал головой.

– Нет, Аликс. Нет. Я отрекся. Отрекся на Святом Писании перед ликом Бога и перед людьми. Такова была воля Его. Я не могу.

Жена зашипела яростно:

– Но за сына ты не имел права отречься! И Алеша не отрекался перед Богом и людьми! Он законный наследник престола Всероссийского, а значит, именно он законный император!

– Да тише ты! Ты понимаешь, что говоришь? Понимаешь, насколько это опасно?

Бывшая императрица зло рассмеялась.

– О да! Вот в чем не откажешь твоему братцу, так это в решительности! Он не стал церемониться с нашей многочисленной родней и быстро указал им место. Если бы действовал, как он, если бы ты после убийства нашего Друга повесил бы привселюдно князя Юсупова и прочих на Дворцовой площади, если бы ты лишил титулов и имущества всех причастных к смерти Распутина, если бы не колеблясь сослал бы всех своих недругов в Сибирь, то ты бы до сих пор был всевластным императором, а не пугался бы сейчас каждого куста в этом парке! В твоём парке!!!

Николай остановил кресло и, обойдя его, присел перед женой на корточки, взял ее ладони в свои и проговорил мягко:

– Аликс, в любом случае эти разговоры не имеют смысла, не говоря уж о том, что они смертельно опасны сами по себе. В руках Михаила вся полнота власти. Тут уж ничего не поделаешь.

Она изучающе смотрела ему в глаза, а затем покачала головой.

– Ники-Ники, твое упрямство, твой фатализм и твое нежелание видеть реальность – одни из самых плохих твоих черт. Сколько раз ты отказывался слушать моих советов? И к чему это привело? Все вовсе не так, как кажется, и не так, как рисует в газетах этот писака Суворин.

– О чем ты говоришь, дорогая?

Бывшая императрица мягко улыбнулась.

– О том, муж мой дорогой, что власть твоего брата зыбка и эфемерна. Он носится с фронта на фронт, он устроил катавасию с переездом столицы в Москву, одни уже переехали, другие еще нет. Вот и сейчас Михаил ненадолго вернулся в Москву, вновь ткнул палкой в помещичий муравейник, издав этот свой Манифест о земле, и разворошил чиновничий улей, требуя чисток. И вот он опять собирается уезжать. Куда? За море! В Константинополь! И куклу эту свою

итальянскую с собой забирает. Кто остается в Москве? А кто в Петрограде? Он даже Гурко отправил из Ставки на фронт! Кто остался в Ставке? Лукомский? Но он лишь наштаверх. А где главковерх? Нет его! Будет праздновать в Царьграде свою коронацию! В твоём Царьграде свою коронацию!!!

Николай пожал плечами.

– Он уже покидал Москву и надолго. И ничего не случилось.

– Это было до манифеста. До ограбления помещиков. А среди них множество военных, включая генералов. Простят ли они Михаилу такое? Очень и очень в этом сомневаюсь. Скажу тебе больше – уверена, что и твой брат чувствует, насколько все зыбко, иначе бы он так не хорохорился, и так много не писала бы хвалебного о нем банда Суворина, не старались бы они сделать из него героя-полководца. Все они понимают, что не простят им. И не забудут. Ничего и никому. И я не забуду.

Бывший самодержец криво улыбнулся.

– Ох, Аликс, ты опять выдаешь желаемое за действительное. Ну где, скажи мне на милость, где доказательства этих твоих фантазий? Откуда тебе из Ливадии знать об этом?

Она торжествующе подняла указательный палец.

– Вот именно, Ники, вот именно! Это и есть главное доказательство! Твой брат нас просто боится. Боится разрешать к нам визиты...

– Не согласен, люди сами боятся к нам ездить.

– Они потому и боятся, что чувствуют, что заговор если еще не существует, то он как минимум реален, и не хотят преждевременно попадать в поле зрения ИСБ и прочих Михаила шавок. Миша твой нас удалил не потому, что я много, как ты выразился, болтала, а потому, что мои слова находили живейший отклик и понимание в высшем свете. Он тебя настолько боится, что даже не пригласил нас в Москву на свою коронацию!

– Аликс, ты же сама не хотела ехать и униженно стоять в стороне, глядя на то, как они коронуются!

– Да, я не хотела! Но я бы поехала! И я бы смотрела им в спину, зная о том, что вскоре кое-кто дорого за все мои унижения заплатит!

– Опять слова и фантазии, Аликс. Михаил, надо отдать ему должное, просто-таки разгромил всяческую себе оппозицию, оплел империю своими, как он выражается, спецслужбами и жестко запугал всех, кто мог решиться на выступление.

– Именно! А теперь подумай, что ждет нас после его этой коронации в Царьграде?

– Конкретно нас или Россию?

– И нас, и Россию.

Николай пожал плечами.

– Что касается нас, то, откровенно говоря, я надеюсь на некоторые послабления. Получив престол Ромеи, Михаил получает корону, которую ни от кого не наследовал и на которую других претендентов нет. А объединив две короны третьей – короной этого самого Единства, он вообще становится величиной такого масштаба, что ему незачем опасаться нас. Что же касается России, то думаю, что нас ждут большие преобразования и массовое переселение. Посмотрим.

Аликс смерила мужа победным взглядом.

– Что ж, я надеюсь, что Михаил твой так и будет думать.

– А это не так?

– Нет!

– Объяснись!

– Его эти две новые короны ничего не стоят без российской. Кто император России, тот и император всего остального. В то же самое время он неизбежно будет проводить массу времени в этой своей драгоценной Ромее, носясь с ней, как Петр Первый носился с Санкт-Петербургом, Северной войной и флотом, отчего вся остальная Россия пришла в полнейший упадок. Тогда Петр мог себе это позволить. Но сейчас совершенно иная ситуация. Власть Михаила настолько зыбка, а все его преобразования настолько значительны, что он должен словно паук сидеть в Кремле и бояться выпустить из рук хотя бы одну нить власти. Но он, со свойственным ему романтизмом, не завершив хотя бы одного дела, начинает множество новых, а затем бросает все и идет воевать за три моря, где и застрянет надолго. Неужели, мой дорогой Ники, ты не видишь, что он обречен?

– Ну, ситуация, действительно, сложная. Но ему все это время просто сказочно везло!

– Всякому везенью приходит однажды конец. И тогда придет твое время. Твое, Ники.

Тут устало помотал головой.

– Нет, Аликс. Я так не могу. Я присягал Михаилу, я клялся на Святом Писании и перед иконами. Не искушай меня.

– Хорошо. Допустим. Если уж ты так упрям, то по крайней мере согласишься, что Алексей ничего подобного не делал. Так ведь?

– Я отрекся и за него.

– Ты. Но не он. Так?

– Ну, допустим.

– Значит, его права на престол несомненны.

– Ты понимаешь, что говоришь?! Это мятеж и смута!

- Подумай о детях. Разве они виновны в твоём малодушии?
- Уверен, что Михаил не посмеет сделать с ними ничего дурного!
- А если посмеет?
- Аликс!
- И все же?
- Это как минимум каторга! О чем ты говоришь?!

- А разве для обвинения нас в заговоре Михаилу нужен заговор? Ты прекрасно понимаешь, что нас в любой момент могут обвинить в чем угодно. Судьба светлейшего князя Меншикова и его семейства тому яркий пример. Да что там Меншиков! Где Владимировичи? Повешены на Болотной площади. Где великая княгиня Мария Павловна с невесткой? Лишены титулов, состояния и сосланы в Сибирь на вечные поселения! А ведь она тоже была на сносях!

Бывший монарх буквально вскричал в отчаянии:

- Да Бог с тобой! Что мы можем сделать из Ливадии?!

Но жена упорно гнула свою линию:

- Это сейчас не имеет значения. Значение имеет лишь трезвое понимание происходящего и твердая решимость искать свой шанс.

- Какой шанс?

- Шанс вырваться отсюда. Испроси у брата дозволение на наше присутствие на коронации в Царьграде. Мы должны вернуться в свет. Пусть Михаил верит, что он цепко держит нас в руках, пусть верит в то, что мы совершенно не опасны. В Москву он нас не пустит, но в Константинополь на коронацию приедут многие. Это наш шанс.

Николай сел на бордюр и задумался. Аликс терпеливо ждала. Повисло молчание.

Наконец бывший самодержец нехотя кивнул:

– Ладно, допустим. В любом случае сидеть здесь взаперти – это не лучший вариант. Я напишу Мише и испрошу приглашения на коронацию. А там будет видно, есть ли в твоих словах хотя бы частичка истинного положения дел в империи. Но повторяю еще раз: я не хочу нарушать данное Богу слово.

Супруга лишь вздохнула тяжело. После чего заметила:

– Как знать, Ники, быть может, это было лишь испытание? Или Господь руками Миши хотел расчистить в России старые авгиевы конюшни, а затем вновь призвать тебя для восстановления лучшего из того, что было в империи?

Видя, что Николай вновь решительно машет головой, она смягчила позицию.

– Ну, хорошо, царем быть ты отказался. Но ведь быть регентом при малолетнем Алексее ты не отказывался?

– Нет, но...

Он задумался.

– Но скажи на милость, какой из него царь? Он очень слабый больной мальчик, дай Бог ему всяческого здоровья и долголетия.

– Уверена, что Господь будет к нему милосердным. В любом случае страной будет править Регентский совет во главе с правителем государства. От этого же ты не отрекался?

– Нет.

– Вот видишь. А за это время мы и девочек пристроим, и, если потребуется, изменим закон о престолонаследии. Если и в этот раз у нас родится девочка или мальчик с этим проклятием. Но шанс на здорового мальчика у нас есть, ты это прекрасно знаешь.

Николай хмуро кивнул.

– Знаю. Так говорили доктора. Но твой возраст...

– А что возраст? Это не первые мои роды, и у меня прекрасные доктора вокруг. У меня, слава Богу, нет токсикоза, как у итальянской куклы, и пока нам удается скрывать мою беременность. Сначала нам нужно покинуть эту клетку, не так ли?

Личное послание баронессы

Беатрисы Эфрусси де Ротшильд

императору Всероссийскому Михаилу Второму.

29 августа (11 сентября) 1917 года

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Нижайше благодарю ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО за высочайшее дозволение передать ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ мое личное послание через Русскую миссию в Орлеане.

Граф Мостовский любезно передал мне именное приглашение стать гостьей величайшего события современности – коронации ВАШИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Константинополе, а также стать свидетельницей провозглашения ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ восстановления Восточной Римской империи. Нижайше благодарю ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО за приглашение и предоставленную возможность быть лично представленной ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Смею надеяться, что предстоящая Высочайшая аудиенция будет весьма интересной для ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и всех Империй, под ВАШЕЙ рукой. Помимо редкостей и даров к коронации, я полагаю привезти весьма важные темы для обсуждения.

Баронесса Беатриса Эфрусси де Ротшильд

11 сентября 1917 года, Орлеан, Франция

P. S. Нижайше прошу ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО дозволить представить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ принца Фердинанда де Фосиньи-Люсинжа и его супругу принцессу Марию-Жюльетту де Фосиньи-Люсинж – урожденную Эфрусси, мою кузину. Принц де Фосиньи-Люсинж восхищается политикой и великими свершениями ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и искренне мечтает принести пользу великому делу восстановления исторической справедливости. Он намерен испросить ВАШЕГО дозволения вложить его опыт и капиталы в развитие гостиничного дела и виноделия Ромеи.

Балтийское море. У берегов Пруссии. 29 августа (11 сентября) 1917 года

Мемель горел. Вначале налет «Муромцев», после которого последовал обстрел со стороны моря. Разумеется, в первую очередь целями были порт, железнодорожная станция и прочие стратегические объекты, но, как и на любой войне, доставалось всем.

В городе явно нарастала паника, и вид стоящих на рейде транспортов с десантом вовсе не добавлял обывателям оптимизма. Начало высадки десанта ждали в самое ближайшее время, поэтому все прислушивались к грохоту разрывов и залпов с моря, поскольку все были убеждены в том, что как только обстрел прекратится, так русские транспорты сразу же двинут к берегу.

А пока русские линкоры и крейсера методично обстреливали известные лишь им цели. Впрочем, уже было понятно, что прицельного обстрела жилых кварталов не происходит, что наводило на мысль, что сам город русские варвары хотят взять неразрушенным.

Однако это не уберегло жилые кварталы от отдельных попаданий и очагов пожаров, которые стремительно разрастались. Да и после обстрела двухнедельной давности в городе было достаточно разрушений. Хотя, как и в этот раз, основными целями были порт и железная дорога.

Но в прошлый раз русские, завершив бомбардировку, вновь ушли в море. Сегодня же, судя по всему, все будет самым серьезным образом. И кораблей у русских больше в этот раз, и калибр у них куда серьезней, да и многочисленные транспорты были в наличии.

Нужно ли удивляться, что многие жители предпочли спешно покинуть город?

Восточная Фракия. Лагерь для военнопленных № 10412. 29 августа (11 сентября) 1917 года

Старая берлинская газета уже не грела сердце. Как, впрочем, и все остальное.

За прошедшие почти три недели адмиралу Сушону уже триста раз все осточертело. Нет, содержали их вполне цивилизованно, тут грех жаловаться, офицеров вообще почти ничем не ограничивали, не считая запрета покидать лагерь. Впрочем, пойти тут все равно было некуда – выжженное солнцем пространство, и куда ни пойдешь, все равно наткнешься либо на русские патрули, либо на болгар, которые занимаются репатриацией своих единоплеменников в Болгарию.

В сущности, главным развлечением здесь и были газеты, которые исправно доставлялись русскими. Среди них встречалось всякое – от переведенных на немецкий язык русских газет до газет из Лондона, Нью-Йорка, Рима, Стокгольма. Иногда попадались даже газеты из Берлина или Вены. Понятно, что большая часть из них уже порядком устарели, но по ним можно было судить о том, насколько правдиво пишут о тех же событиях русские газеты.

Собственно, Военно-просветительское управление русского Министерства информации издавало в Восточной Фракии даже отдельные газеты на разных языках для военнопленных, в которых информировало своих пленников о событиях в России, мире и в, как они выражались, Ромее. Сообщалось о ситуации на фронтах, о реформах, которые устроил царь Михаил, рассказывалось об этих их «служении» и «освобождении» и обо всем таком прочем.

И если ко всякого рода идеологическим потугам русских адмирал относился с предельной иронией, то вот сообщения с фронтов он читал очень внимательно, поскольку первоначальный скепсис относительно правдивости сообщаемых в

газетах новостей довольно быстро пошатнулся, когда Сушон увидел подтверждения в западной и нейтральной прессе, да и сами германские газеты между строк нет-нет, да и подтверждали сообщения русских.

А как иначе отнестись к новости о том, что российские линкоры обстреляли Данциг? Пусть и описано все предельно героически, но сам факт – как образом? Как они прошли мимо германского флота Балтийского моря?

Впрочем, русские не только сразу сообщили военнопленным о своей грандиозной победе, но и привезли в лагерь множество фотографий хорошего качества, в которых без труда можно было видеть тонущие немецкие линкоры и крейсера, как пылают транспорты, как над «Гроссер Курфюрстом» реет российский военно-морской флаг.

Эта новость просто ошеломила всех в лагере. Особенно переживали бывшие моряки «Гебена» и «Бреслау», хотя на лицах многих адмирал отмечал и облегчение. Некоторые даже прямо говорили, что уж теперь-то с них вряд ли спросят за потерянные корабли, если уж русские разгромили целый германский флот на Балтике.

Разумеется, Сушон жестко пресекал подобные разговоры, но что делать с самим фактом разгрома? И если разгром Османской империи можно было списать на предательство Болгарии и на прочее стечение обстоятельств, то как быть с Моонзундом? И вообще, адмирал долго был уверен в том, что Генштаб в Берлине обязательно накажет русских, которые увязли на юге, и нанесет удар на Восточном фронте. Но ничего такого не произошло! Или Моонзунд и был таким ударом? Тогда дела Фатерлянда совсем плохи.

Сушон тяжело вздохнул. Тут он заметил русского подполковника с немецкой фамилией Мейендорф, который шел к его палатке по «проспекту», как они именовали главный проход в лагере.

– Приветствую вас, герр адмирал!

– И я приветствую вас, подполковник фон Мейендорф! Вы привезли газеты?

– Да, герр адмирал, газеты сейчас разгружают из грузовика, но ваши экземпляры я прихватил с собой.

– О, это очень любезно с вашей стороны, герр фон Мейендорф! Есть вести с фронтов?

– Конечно, герр адмирал. Русские войска вошли в Иерусалим.

Сушон нахмурился.

– А местный гарнизон? Был бой?

Русский покачал головой.

– Нет, герр адмирал, боя как такового не было. Но нет, немцы не сдались, вы ведь это имели в виду?

– Да.

– Нет, они согласились покинуть город до начала штурма. Им предоставили свободный выход и разрешили взять с собой все, кроме тяжелого оружия.

Сушон хмуро кивнул.

– Понятно. Благодарю вас за разъяснения, герр фон Мейендорф. Какие-то еще новости?

– Да. В Иудее полностью уничтожена конная дивизия осман под командованием генерала Мендеса. Нам обещают завтра фотографии. Если желаете, то могу привезти.

Адмирал сухо кивнул.

– Благодарю вас. Вы очень любезны, герр фон Мейендорф.

– Пустое, адмирал! Из других новостей – американцы высадили первую дивизию во Франции, британцы вновь бомбили Кельн, а немцы отбомбились над Лондоном и Манчестером. Но в целом пока на фронтах затишье. Что касается наших мест, то тут пока главными новостями можно считать прибытие

очередной партии переселенцев из России. И, конечно же, подготовку к коронации в Константинополе их императорских величеств Михаила и Марии Ромейских. Хотите, организую вам приглашение на коронацию, адмирал?

Личное послание

императора Всероссийского Михаила Второго

баронессе Беатрисе Эфрусси де Ротшильд.

30 августа (12 сентября) 1917 года

Баронесса!

Приглашаем Вас, принца и принцессу де Фосиньи-Люсинж стать гостями обеда, который МЫ намерены дать в пять часов пополудни во Дворце Единства в НАШЕЙ Ромейской столице Константинополе 6 (19) сентября 1917 года.

Именные приглашения Вам передаст с этим письмом граф Мостовский.

МИХАИЛ

Дом империи, Кремль, Москва, Россия

30 августа (12 сентября) 1917 года

Балтийское море. У берегов Курляндии. 30 августа (12 сентября) 1917 года

Корабли эскадры Балтфлота обстреливали малочисленные укрепления порта Либавы, давая возможность десантным судам подойти вплотную к берегу и высадить свои отряды морской пехоты.

Да, немцы так и не удосужились как следует оснастить берег противокорабельными орудиями, а то, что было возведено русскими еще до

войны, русские же и разрушили впоследствии. Так что особых проблем с высадкой десанта контр-адмирал Немитц не ожидал. Тем более что вчерашний демонстрационный обстрел Мемеля должен был убедить немцев в том, что именно в том районе и ожидается основной удар российских войск на балтийском побережье.

Что ж, судя по фотографиям аэроразведки, порт Мемеля действительно получил серьезные повреждения и вряд ли вообще сможет в ближайшие недели хоть что-то отгружать в товарных количествах. Да и удар авиации по железнодорожной станции не прибавил германцам радости. Но там и не стояла цель щадить и беречь. И если по жилым кварталам особо старались не стрелять, то всю инфраструктуру разрушали самым целенаправленным образом.

Сегодня же все не так. Разрушать порт Либавы не планировалось. Более того, он должен был служить местом разгрузки грузов для обеспечения русской группировки, а также вывозить из города на Большую землю раненых. Потому и авиация ограничилась в городе разбрасыванием листовок с призывом русским подданным сохранять спокойствие и ждать прихода освободителей. Бомбовый же авиаудар был нанесен по ключевым железнодорожным станциям и узлам Курляндии между Либавой и Ригой.

Теперь же пришла пора вступать в бой и им.

– Ну что, Александр Андреевич? Готовы?

Генерал Свечин, отняв от глаз бинокль, кивнул.

– Да, Александр Васильевич, командуйте.

Немитц протянул Свечину руку.

– Что ж, Александр Андреевич, верю, что славная Черноморская морская дивизия и на Балтике скажет свое веское слово в этой войне! Да благословит вас Пресвятая Богородица!

– Благодарю вас, Александр Васильевич. Поддержите нас огоньком!

– Всенепременно!

Москва. Кремль. Дом империи. 30 августа (12 сентября) 1917 года

– Основываясь на данных аэроразведки и постов наблюдения на кораблях флота, можно сказать, государь, что высадка десанта в Курляндии проходит согласно графику. Вчера, во время первой фазы операции, силами авиации и флота был нанесен отвлекающий удар по германскому Мемелю, в ходе которого проводилась имитация высадки наземного десанта в этом районе Пруссии. Также, в рамках первой фазы операции, нашими тральщиками были сняты мины на подходе к зоне операции в Курляндии. Сегодня на рассвете началась вторая фаза операции, в ходе которой были нанесены удары корабельной артиллерии по фортификационным сооружениям в районе Либавы, а также удары авиации и сил спецопераций по основным железнодорожным узлам и мостам Курляндской и Ковенской губерний, имеющие целью парализовать все транспортное сообщение противника и воспрепятствовать переброске резервов в район операции русских войск. Отдельно хотел бы отметить результативную бомбардировку 1-го дальнебомбардировочного полка 1-й дбд генерала Шидловского, результатом которой стал взрыв составов с боеприпасами на железнодорожной станции Митава. В результате взрыва противник понес тяжелые потери в живой силе и технике, а железнодорожный узел полностью выведен из строя, что серьезно затруднит снабжение германских войск в районе Риги.

Генерал Палицын указывал на карту, обозначая пораженные объекты на территории Курляндской и Ковенской губерний, после чего продолжил:

– В ходе третьей фазы операции первыми на берег севернее Либавского порта высадилась 2-я сводная бригада морской пехоты в составе отдельных батальонов морпехов Черноморского и Балтийского флотов, а также сводный батальон Корпуса морской пехоты США, при поддержке артиллерии кораблей эскадры Балтийского флота под командованием контр-адмирала Александра Немитца. Наземной операцией командует генерал-адъютант вашего величества генерал-лейтенант Александр Свечин.

Министр обороны перешел к крупномасштабной карте окрестностей Либавы и продолжал доклад:

– После того как бригада морской пехоты закрепились на плацдармах севернее и южнее города, началась четвертая фаза десантной операции, в ходе которой на берег была высажена Черноморская морская дивизия со всеми полагающимися по штату средствами усиления. В настоящее время идут бои на улицах города. Германский гарнизон оказывает организованное сопротивление, но Черноморская морская дивизия, используя тактику штурмовых групп и отрядов, успешно продвигается по улицам Либавы.

– Что местные жители?

– Прячутся по подвалам и ждут, чем закончится дело.

– Разрушения?

– В самом городе разрушения незначительны, поскольку штурмовые группы используют артиллерию лишь в самых крайних случаях, обеспечивая себе проход при помощи пулеметов, автоматов Федорова и гранат. Сопротивление немцев не слишком значительно, у немцев мало опытных бойцов, сказывается тыловой статус гарнизона, где фронтовики встречаются лишь в качестве прикомандированных по случаю ранения.

– Порт?

– Основываясь на первичных докладах, можно сделать вывод, что в ходе штурма инфраструктура порта Либавы серьезных разрушений не получила и может быть использована русской группировкой для снабжения, вывоза раненых и обслуживания кораблей флота.

– Результаты по Мемелю?

– Инфраструктура военного и торгового портов получила значительные повреждения. Отмечены также выход из строя железной дороги и, в частности, прямые попадания снарядов главного калибра и авиабомб в здание железнодорожного вокзала Мемеля. В городе наблюдаются крупные пожары и разрушения. В настоящее время порт полностью блокирован русской эскадрой, однако и после ее ухода Мемель долго не сможет быть морскими воротами Восточной Пруссии, что не может не сказаться на снабжении Германии и ее войск на фронте.

– Что еще по Западному направлению?

– На фронтах относительно затишье, государь. Силами 2-го дальнебомбардировочного авиаполка был нанесен удар по Цепному мосту в Будапеште. Сообщается, что мост получил серьезные повреждения и в настоящее время закрыт для проезда. Отрядами ССО продолжают проводиться диверсии в тылу противника, направленные на подрыв военной и транспортной инфраструктуры Германии и Австро-Венгрии. Из крупных операций ССО – пожар на артиллерийских складах в Мишкольче.

Усмехаюсь.

– И как там ситуация?

Палицын сделал неопределенный жест.

– Пока трудно сказать, ваше величество. Ясно, что пожар перекинулся на склады и уже идут взрывы, но пока трудно оценить реальный масштаб происходящего.

Киваю.

– Хорошо. Держите меня в курсе. И господина Суворина. Нам нужно показать нашим подданным, что мы ничего не оставляем без ответа.

– Слушаюсь, государь!

– Что в Иудее?

Генерал перелистнул лист на планшете, открывая соответствующий регион.

– Пока войска противника совершают эволюции, явно стремясь маневром подвести под прямое столкновение нас и британцев. Немцы не стали занимать оставленный британцами Эль-Ариш и даже отвели свои войска от Беэр Шевы, открыв англичанам дорогу на Хеврон и Иерусалим.

– А что британцы по этому поводу?

– Мы установили прямой контакт с британским командованием в регионе договорились избегать столкновений, а в случае их возникновения решать вопросы путем прямых консультаций, без эскалации боевых действий между союзниками. Британцы маневры немцев прекрасно понимают, хотя, что очевидно, будут стремиться использовать ситуацию в свою пользу. Что касается самого Иерусалима, то русско-итальянские войска полностью овладели городом и его инфраструктурой, создана совместная военная комендатура, а сам город поделен на зоны контроля союзных войск.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Текст Виталия Сергеева.

2

Фридрих Кресс фон Крессенштейн, германский полковник, османский генерал, командующий 7-й армией на Синайско-Палестинском фронте.

3

Эрих Георг Себастьян Антон фон Фалькенхайн, германский генерал пехоты, бывший начальник Германского генштаба, командующий ВС Четвертичного союза на Синайско-Палестинском фронте, маршал (мушир) Османской империи.

Купить: https://tellnovel.com/markov-babkin_vladimir/imperator-edinstva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)